

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- РОДИКОВ С.В.** — главный редактор журнала, полковник, кандидат технических наук, доцент.
- АЛЕШИН А.В.** — первый заместитель начальника Главного штаба Военно-воздушных сил ВС РФ, генерал-лейтенант.
- БАШЛАКОВ А.А.** — начальник Главного управления воспитательной работы ВС РФ, генерал-лейтенант, кандидат технических наук.
- БЕЛОУСОВ А.В.** — начальник Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал армии, кандидат психологических наук.
- БОЛДЫРЕВ В.А.** — Главнокомандующий Сухопутными войсками ВС РФ, генерал армии.
- БУЛГАКОВ Д.В.** — начальник Тыла ВС РФ — заместитель министра обороны РФ, генерал-полковник, Заслуженный военный специалист РФ.
- БУРУТИН А.Г.** — первый заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, генерал-лейтенант.
- БУРЦЕВ О.В.** — первый заместитель начальника Главного штаба Военно-Морского Флота ВС РФ, вице-адмирал.
- БУСЛОВСКИЙ В.Н.** — первый вице-президент Фонда содействия научным исследованиям проблем безопасности «НАУКА — XXI», кандидат политических наук.
- ВАГАНОВ Н.И.** — заместитель начальника Вооружения ВС РФ, генерал-лейтенант, кандидат технических наук.
- ГАРЕЕВ М.А.** — Президент Академии военных наук, генерал армии в отставке, доктор военных наук, доктор исторических наук, профессор.
- ГОРЕМЫКИН В.П.** — начальник Главного управления кадров МО РФ, генерал-лейтенант.
- ДОНСКОВ Ю.Е.** — главный научный сотрудник Федерального государственного научно-исследовательского испытательного центра радиоэлектронной борьбы и оценки эффективности снижения заметности МО РФ, доктор военных наук, кандидат технических наук, профессор.
- КЛИМЕНКО А.Ф.** — ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, кандидат военных наук, старший научный сотрудник.
- МЕЙЧИК Е.Р.** — начальник Связи ВС РФ — заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, Заслуженный работник связи РФ.
- НОГОВИЦЫН А.А.** — заместитель начальника Генерального штаба — председатель Военно-научного комитета Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник, доктор военных наук.
- ОСТАПЕНКО О.Н.** — командующий Космическими войсками ВС РФ, генерал-майор, кандидат военных наук.
- ПОПОВ М.М.** — начальник Информации — заместитель начальника Главного управления Генерального штаба ВС РФ, вице-адмирал.
- ПРИЛУЦКИЙ В.М.** — ответственный секретарь редакции журнала.
- СИНИЛОВ В.К.** — руководитель Сводно-методологического департамента МО РФ.
- СМИРНОВ В.В.** — начальник Главного организационно-мобилизационного управления Генерального штаба — заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, доктор военных наук.
- СУРОВИКИН С.В.** — начальник Главного оперативного управления Генерального штаба ВС РФ — заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, генерал-майор.
- ЧЕКИНОВ С.Г.** — начальник Центра военно-стратегических исследований Генерального штаба ВС РФ, полковник, доктор технических наук, старший научный сотрудник.
- ЧУБАРЕВ Ю.М.** — заместитель главного редактора журнала.
- ШАМАНОВ В.А.** — командующий Воздушно-десантными войсками ВС РФ, генерал-лейтенант.
- ШВАЙЧЕНКО А.А.** — командующий Ракетными войсками стратегического назначения ВС РФ, генерал-лейтенант, кандидат военных наук.

К вопросу о соответствии облика Вооруженных Сил Российской Федерации статусу страны и их предназначению

*Полковник в отставке В.Г. НАРЫШКИН,
кандидат военных наук*

АННОТАЦИЯ. Рассматриваются проблемы реформирования ВС РФ на период до 2020 года. Показана взаимосвязь численности ВС с их реальными боевыми возможностями, отпущенными ресурсами на содержание ВС и их техническим оснащением, освещены роль мобилизационных потребностей и значение стратегических резервов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: облик ВС РФ, боевой потенциал ВС, военные угрозы и опасности, боевые возможности, мобилизационные потребности, вооружение и военная техника, реформа, коэффициент мобилизационного развертывания.

SUMMARY. The article considers the problems of reforming the Armed Forces for the period until 2020. The correlation between the number of the AF with their actual combat capability, allotted resources for maintenance of the AF and their technical equipment is shown, the role of mobilisation requirements and the importance of strategic reserves are covered.

KEYWORDS (TAGS): the make-up of the Armed Forces, the combat potential of the Armed Forces, military threats and dangers, combat capabilities, mobilisation requirements, weapons and military equipment, reform, the rate of mobilisation deployment.

НАРЫШКИН Владимир Геннадьевич родился 1 мая 1941 года в селе Реболы Карельской АССР. Окончил Ленинградское высшее общевойсковое командное училище (1964), Военную академию имени М.В. Фрунзе (1974), Военную академию Генерального штаба (1984).

Службу проходил в должностях командира мотострелкового взвода, мотострелковой роты Прикарпатского военного округа, начальника штаба мотострелкового полка, офицера, старшего офицера оперативного управления штаба Дальневосточного военного округа, старшего офицера и начальника группы 9-го отдельного направления Главного оперативного управления Генерального штаба, начальника оперативного отдела – заместителя начальника оперативного управления штаба Южной группы войск.

После увольнения из рядов ВС – старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории Военной академии Генерального штаба. С 1997 по 2003 год – главный специалист, советник департамента войск гражданской обороны МЧС России. С мая 2003 года – преподаватель, старший преподаватель факультета гражданской обороны Военно-инженерной академии. С 2006 года – старший преподаватель кафедры управления войсками и службы штабов Общевойсковой академии ВС РФ.

ОБЛИК ВС, сложившийся к 2008 году в результате преобразований, проводимых в стране в течение двух последних десятилетий, явно не отличался своей завершенностью. Основу армии составляли части сокращенного состава и кадра, очевидно не обладающие достаточной боеспособностью. Кроме того, ВС «полностью выработали запас вооружения и военной техники,

оставшийся от СССР»¹. В результате страна оказалась в опасном состоянии очередной неготовности к войне.

Пятидневная война августа 2008 года по обузданию агрессии Грузии, несмотря на ее успешное завершение, проявила такие недостатки в состоянии ВС РФ, которые еще более убедили руководство страны, что в мирное время нам нужна более **боеспособная армия** и медлить с этим нельзя. Это подстегнуло власти к принятию срочных организационных мер и выделению, несмотря на кризис, дополнительных финансовых средств на коренное изменение облика ВС РФ.

Состояние стратегических сил России — основного фактора сдерживания сейчас таково, что его запаса еще хватит примерно на 10 лет, в связи с этим пока не исчерпан еще лимит времени для проведения серьезных, радикальных преобразований в масштабе ВС РФ.

Лично Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым было принято решение на незамедлительный «перевод всех частей и кораблей ВС РФ в категорию *постоянной готовности*». По его заявлению: «безопасность была и остается одним из ключевых факторов развития государства»², поэтому нет сомнения в намерении властей довести военную реформу до конца.

На заседании военной коллегии Минобороны 14 октября 2008 года было объявлено о проведении комплекса мероприятий по изменению структуры, состава, состояния, численности и перевооружения ВС РФ.

Из официальных сообщений по военной реформе следует, что она проводится по плану и предусматривает глубокие преобразования армии, а также ускоренное развитие военно-промышленного комплекса.

К 2012 году все соединения и части будут переведены в категорию постоянной боевой готовности, а численность армии и флота составит 1 миллион человек, из которых офицеры составят только 150 тыс. человек (15 % от общей численности).

При многократном сокращении количества воинских частей весьма целесообразным является переход к трехуровневой системе управления: военный округ — оперативное командование — бригада.

Все виды ВС и рода войск нуждаются в обновлении ВВСТ. Поэтому затраты на НИОКР и закупки вооружения должны составить большую часть расходов на национальную оборону. И такие меры спланированы. 19 ноября 2008 года начальник Генерального штаба ВС РФ генерал армии Николай Макаров заявил журналистам, что в российской армии в ближайшие 3-5 лет будут на треть обновлены вооружение и техника.

17 марта 2009 года Президент Российской Федерации Д.А. Медведев на расширенном заседании Коллегии Минобороны России официально заверил военных, что к 2020 году это будет сделано на 80 %.

Таким образом, впервые с момента распада СССР, в РФ принято решение о проведении полноценной военной реформы, которая призвана коренным образом преобразовать облик ВС РФ и довести их структуру, состояние и боевые возможности воинских формирований постоянной готовности до уровня армий наиболее развитых стран мира.

Меры, принимаемые руководством РФ, свидетельствуют о намерении отказаться от стратегии развертывания **массовой армии**, стратегии, на которой на протяжении целого столетия основывалась оборона страны.

Содержать многомиллионную армию в мирное время действительно накладно любому государству, поэтому **в начале XX века расчет на быстрое развертывание массовой армии был вполне оправданным.**

Во-первых, возможности государств по скрытой подготовке к войне и внезапному нападению на противника тогда были ограничены. И все-

¹ Поповкин В. Красная звезда 2008 г. 2 октября.

² Российская газета. № 4854 2009 г. 20 февраля.

таки стране-агрессору, готовящейся к внезапному нападению, в определенной мере удавалось заблаговременно и скрытно проводить развертывание мобилизационных резервов.

Во-вторых, проведение всеобщей мобилизации позволяло в короткие сроки в разы нарастить боевой потенциал страны. Это достигалось при отсутствии в армии сложного вооружения и военной техники. При этом потребность в качественных ресурсах была меньшей.

В-третьих, ввиду оснащения армий относительно простыми видами вооружения, не требовалось проведения длительного боевого слаживания отмобилизованных и вновь сформированных воинских частей.

Однако уже во второй половине XX века (в результате анализа хода и исхода Второй мировой войны) от этой стратегии отказались многие из наиболее развитых государств в мире.

Использовать возможности развертывания массовой армии удавалось только странам-агрессорам. Обороняющаяся сторона всегда объявляла мобилизацию с опозданием.

История пока не знает примеров упреждающего развертывания массовой армии для отражения агрессии даже при наличии так называемого «угрожаемого периода». Сейчас этот период характерен только для локальных войн, когда агрессор намеренно демонстрирует многократное превосходство в боевой мощи. В войне против сильного противника агрессор всегда будет стремиться к скрытности подготовки. Государства блока НАТО (в первую очередь США) и другие фактически давно имеют возможности осуществлять нападение **внезапно**.

Внезапность, как показал опыт, позволяет создавать подавляющее превосходство над противником по действительным значениям боевого потенциала (потенциалам готовности) группировок войск (сил).

В современных условиях большими возможностями достижения внезапного нападения располагают США и НАТО в целом. Война с их стороны может начаться с нанесения ударов с воздуха еще до проведения (или завершения) оперативного развертывания группировок войск (сил). В этом случае мобилизационное развертывание обороняющейся стороны до начала войны практически неосуществимо. Причем соединения и части сокращенного состава, в мирное время располагающие реальным боевым потенциалом, вместо участия в отражении агрессии должны будут проводить отмобилизование, а затем и боевое слаживание в штатной организации военного времени. То есть реальный боевой потенциал войск (сил), развертываемых по мобилизации, примерно в течение месяца не может быть применен, а при низком качестве мобилизационных ресурсов его приращение будет незначительным.

Так, накануне Великой Отечественной войны превосходство Красной Армии многим казалось очевидным. Примерно в полтора раза обеспечивалось численное превосходство ВС СССР над ВС Германии по дивизиям (303 против 210 дивизии). Соответствующее превосходство было создано по самолетам, артиллерии и танкам. Численность Красной Армии была также более чем достаточной. По состоянию на 22 июня 1941 года она составляла 5,4 млн человек. А в составе направленной против России группировки ВС Германии численностью 7,3 млн человек содержалось только 210 дивизий, полностью укомплектованных боеспособных, обладающих опытом ведения боевых действий³.

Из приведенных данных очевидно, что почти все наши дивизии были укомплектованы не более чем наполовину и с началом войны нуждались в отмобилизовании и боевом слаживании, на которое не было времени. Красная Армия, наспех отмобилизованная до 11 млн человек, вступа-

³ 1941 год — уроки и выводы. М.: Воениздат, 1992. С.178,179.

ла в бой с противником, значительно превосходящим в боеспособности войск. Поэтому уже при превосходстве в боевом и численном составе наша армия отступала до самой Москвы. Только за первые 6 месяцев войны армия потеряла 4,5 миллиона человек, главным образом, военнообязанных граждан от станков и пашен, вступивших в бой с матерым врагом, уже захватившим половину Европы.

Нет никакого сомнения в том, что обстановка на советско-германском фронте была бы кардинально иной, если бы за счет той же численности (5,4 млн человек) в рядах Красной Армии к началу войны содержалось не 303, а всего 150 дивизий постоянной готовности. То есть дивизий боеспособных, не требующих доукомплектования и готовых вступить в бой в первый же день войны.

В современных условиях приверженность страны к концепции массовой мобилизационной армии становится куда более опасной.

Военнообязанных граждан, призванных по мобилизации, неразумно вооружать технически сложными видами современного оружия и техники. Из-за недостаточной подготовленности военнообязанных граждан они могут быть выведены из строя, а эффективность их применения будет низкой. Оснащение военнообязанных простейшими видами ВВСТ также незначительно увеличивает боевой потенциал ВС.

Сейчас, спустя более шестидесяти лет после той войны, российские армия и флот оснащены несравнимо более высокотехнологичным и эффективным оружием. Поэтому путем мобилизации невозможно в короткие сроки существенно нарастить реальный боевой потенциал ВС. Эта задача тем более невыполнима при запущенном состоянии мобилизационных ресурсов (запасов ВВСТ, материальных средств и низком качестве приписного состава).

Этим обусловлена важность и острая необходимость свершившегося изменения политики нашего государства в подходах к строительству ВС.

На наш взгляд, намеченные пути и планы коренного преобразования облика ВС РФ достаточно продуманы и научно обоснованы. Однако, при проведении любой крупной реформы неизбежны определенные просчеты, а также сопутствующая им конструктивная и неконструктивная критика.

Только вопрос определения **численности ВС РФ** практически не подвергается критике. 1 миллион человек, из которых офицеры составят только 150 тыс. человек (15 % от общей численности) — это та численность, которая на данный период является единственно возможной, несмотря на то, что это самая низкая численность ВС нашего государства за последнюю сотню лет. Поэтому данный параметр нуждается в научном обосновании.

«Рациональная численность ВС должна рассматриваться как результат компромисса между требуемой и возможной численностью»⁴. Целиком и полностью соглашаясь с этим выводом, можно подвергнуть сомнению объективность последующих обоснований авторов этой статьи, в том числе ссылку на мировую практику.

Действительно различные государства в условиях мирного времени выделяют для обеспечения национальной обороны от 2 до 5 % внутреннего валового продукта, а численность их ВС при этом редко превышает один процент от общей численности населения страны.

России, в решении такой жизненно важной проблемы, недостаточно исходить из анализа мировой практики. При этом степень «воен-

⁴ Лапунов П.Н., Шапошников И.А. Рациональная численность ВС РФ. Взгляд через призму ресурсно-экономических ограничений // Военная Мысль. 2009. С. 3.

но-экономического напряжения» в обеспечении обороноспособности страны также может существенно отличаться от «стандартов» мировой практики.

Более разумный подход изложен в статье генерал-полковника А. Рукшина, бывшего начальника ГОУ ГШ ВС РФ (2001—2008 гг.).

Целиком и полностью соглашаюсь с его утверждением о том, что численность ВС РФ должна определяться, исходя из «объективных условий существования государства, его места и роли в мировом сообществе, системе международных отношений»⁵.

Как известно, Россию «аршином общим не измеришь». Как самой крупной стране в мире, ей есть что защищать. Никакая другая страна не охватывает 10 часовых поясов и не располагает такими колоссальными природными богатствами. Ее протяженность с запада на восток более 9 тыс. км, а с севера на юг 2,5 — 4 тыс. км. Она омывается 12 морями, принадлежащими к бассейнам 3 океанов. Кроме того, Россия занимает 6-е место в мире по численности населения (более 140 млн человек).

Поэтому Россия не может ориентироваться на другие государства, особенно на государства НАТО (кроме США), которые, находясь в самом крупном в мире военном блоке, могут позволить себе содержать ВС, относительно небольшие по численности (от 200 до 300 тыс. человек).

Однако заметим, что многие из этих армий (ВС Великобритании, ФРГ, Франции и др.) обладают солидным потенциалом вооружения, а уровень боеспособности их войск (сил) сопоставим с ВС США.

По мнению автора, при определении потребности страны в ВС должны приниматься во внимание: геостратегическое положение России, ее место и роль в мировом сообществе, сложившаяся система международных отношений и расстановка военно-политических сил на мировой арене. Однако главным, безусловно, является то, что потребность в численности ВС должна устанавливаться с учетом реалий и перспектив изменения в ходе реформы их качественного состояния и боевых возможностей.

Не численность, а реальный боевой потенциал ВС должен быть достаточным для решения задач по отражению агрессии в любых самых сложных условиях развязывания и ведения войны противником против России и ее союзников.

Нельзя утверждать, что сложившаяся за последние годы система международных отношений и расстановка военно-политических сил на мировой арене для нашей страны является самой благоприятной, исключающей **военные угрозы и опасности.**

За последние два десятилетия в результате распада организации государств Варшавского Договора, развала СССР и значительного расширения НАТО на восток расстановка военно-политических сил на мировой арене и соотношение сил сторон по линии Запад — Восток резко изменились не в пользу нашей страны. Позиция Запада (особенно США) по отношению к России практически не улучшилась. Политикам Запада удалось привлечь в состав НАТО страны Восточной Европы, в том числе прибалтийские республики бывшего СССР, а также внести раскол во взаимоотношения России с Грузией и Украиной.

Поэтому численность ВС РФ в 1 млн человек, утвержденная Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым, отнюдь **не является пределом достаточности.** Это самый низкий показатель снижения их состава за всю новейшую историю государства. Однако, исходя из

⁵ Рукшин А.С. К новому облику Вооруженных Сил Российской Федерации//Военная Мысль. 2003. № 3. С 2—5.

реальных экономических возможностей, Россия пока не в состоянии привести свою армию в соответствие «мировым стандартам» большего состава. Нам предстоит в короткие сроки коренным образом изменить структуру ВС, привести все воинские части в боееспособное состояние и почти полностью перевооружить их.

Такие преобразования стоят на грани экономических возможностей России по обеспечению строительства и содержания ВС на современном этапе. Однако мы должны понимать, насколько данная численность ВС РФ, особенно при их нынешнем состоянии, не соответствует реальной потребности.

Потребность страны в численности ВС обратно пропорциональна их реальным боевым возможностям.

При отсутствии в составе ВС в мирное время необходимого количества боееспособных воинских формирований их реальный боевой потенциал не может быть достаточным. Компенсировать его придется за счет всеобщей мобилизации (многомиллионного мобилизационного резерва).

Автором давно доказано, что лучше иметь десять боееспособных дивизий, чем сто «бумажных». Однако потенциал боееспособности частей не может быть достаточным без оснащения их современными высокоэффективными видами ВВСТ.

При содержании соединений и частей (кораблей) в категории постоянной готовности потребность в численности ВС снижается, а их реальный боевой потенциал, наоборот, возрастает. Таких воинских формирований потребуются меньше, поэтому расходы на их оснащение наиболее современными видами ВВСТ будут давать большую отдачу. Полностью укомплектованные и обеспеченные всем необходимым, при достаточном качестве (сбалансированности) организационно-штатной структуры, они смогут обладать несравнимо более высокими уровнями боееспособности, что способствует максимальному использованию потенциала современного вооружения.

В повышении боееспособности ВС особую роль играют и качество их структуры, в том числе сбалансированность боевых элементов и систем управления, разведки, всех видов оперативного (боевого), специального, технического обеспечения и тыла. Мы понимаем важность установленной сбалансированности структуры видов ВС и родов войск по их боевому и численному составу. Исходя из этого, особенно туго придется Сухопутным войскам, как одному из основных видов ВС, более всего подвергающемуся сокращению как по численности, так и по кардинальным структурным изменениям.

До тех пор, пока реальный боевой потенциал ВС РФ численностью в 1 млн человек будет очевидно недостаточным, Россия будет **вынуждена** содержать многомиллионный мобилизационный резерв в готовности к его развертыванию в случае войны. Только этим возможно компенсировать недостающие боевые возможности кадровой армии.

Ожидаемое существенное улучшение качественного состояния ВС и оснащение их современным ВВСТ будет сопровождаться значительным ростом их боевых возможностей. Увеличение реального боевого потенциала (потенциала боееспособности) ВС в свою очередь создаст условия для сокращения **мобилизационной потребности**.

При достижении условий, когда потребность в мобилизационном резерве будет сведена к минимуму (это, по нашему мнению, 2—3 млн человек), установленная численность ВС РФ может считаться оптимальной.

Поэтому при оценке разумности пределов численности ВС РФ, создаваемых в соответствии с планами их реформирования, следует по-

нимать, что миллионная армия и флот, состоящие из частей (кораблей) постоянной готовности, после соответствующей боевой подготовки и полного обновления ВВСТ смогут в 5—10 раз увеличить свою боевую мощь. Такого приращения боевых возможностей невозможно добиться даже при развертывании десяти миллионной армий.

России, не имеющей пока достаточно боеспособной армии, необходимо осторожно подходить к сокращению масштабов мобилизации.

Однако, взвешенно оценив состояние мобилизационных резервов, уже сейчас можно частично сократить мобилизационную потребность.

Сокращать мобилизационный резерв следует постепенно (поэтапно), параллельно с улучшением качества мобилизационных ресурсов и ростом боевых возможностей ВС, с учетом состояния и сбалансированности видов ВС и родов войск. Это позволит улучшить качество мобилизационных ресурсов и состояние мобилизационной готовности. В том числе появятся возможности для использования военнообязанных запаса только по прямому предназначению и родственным ВУС; для отбора более пригодных и эффективных ВВСТ, находящихся на хранении и поставляемых при мобилизации, а также для улучшения качества запасов МС, поставляемых при мобилизации.

Кроме того, важно полнее использовать в мобилизационном резерве сводные формирования, имеющие на вооружении так называемую «гражданскую» технику: автомобильные колонны, сводные формирования гражданской авиации, РХБЗ, связи и т. д. А поставку автомобилей, самолетов, вертолетов, бульдозеров, кранов, передвижных электростанций, техники РХБЗ, связи и др. осуществлять вместе с закрепленным за ними обслуживающим персоналом. Они потребуются также в органы управления и части постоянной готовности для создания, дублирующих расчетов (экипажей), дежурных смен и т. д.

Таким образом, прежде чем установить реальную потребность в численности ВС и соответствующую потребность в мобилизационном резерве, надо оперативнее оценить существующие и ожидаемые в результате реформы показатели боевого потенциала ВС. Затем по оценке состояния и реальных боевых возможностей ВС оценивается их достаточность для решения возложенных на них задач исходя из реальных военных опасностей и угроз, с учетом возможности их боевого применения в самых сложных условиях обстановки развязывания войны против России и ее союзников.

Планирование нового облика ВС и установление их оптимальной численности осуществляются с учетом предвидения возможностей по финансированию их содержания и развития; перспективы обновления ВВСТ; сбалансированности структуры ВС в целом, видов ВС и родов войск; совершенствования организационно-штатной структуры частей (кораблей), а в конечном итоге, на основе оценки и расчетов ожидаемого повышения уровней боеспособности воинских формирований и увеличения потенциала вооружения.

Недостающие боевые возможности ВС, связанные с их численностью и состоянием боеспособности войск (сил), **вынужденно** компенсируются за счет их мобилизационного резерва.

В 2008 году ВС насчитывали 1,2 млн человек. При известном состоянии боеспособности их частей (кораблей) потребность страны в боевой мощи ВС может компенсироваться за счет развертывания в случае войны массовой армии путем проведения всеобщей мобилизации.

По мере наращивания в ходе реформы боевого потенциала ВС появится возможность поэтапного снижения мобилизационной потребности. Это позволит одновременно повышать качество мобилизационных ре-

сурсов и их возможности, совершенствовать мобилизационную подготовку и мобилизационную готовность, определять пути и способы рационального использования мобилизационного резерва в случае войны.

К 2012 году, за счет реформирования структуры ВС, существенного повышения уровня боеспособности воинских частей постоянной готовности, а также обновления на 30 % устаревшего ВВСТ, совокупный потенциал боеспособности ВС, даже при их численности в 1 млн человек, может увеличиться по сравнению с 2008 годом более чем вдвое.

В 2020 году при дальнейшем обновлении ВВСТ и повышении уровня боеспособности воинских формирований, потенциал боеспособности ВС может увеличиться еще в два раза, а численность ВС РФ будет близка к пределу достаточности.

Однако главная проблема военной реформы заключается в том, что на реализацию планов по приданию ВС РФ нового облика потребуются **колоссальные финансовые затраты** и рациональное их использование.

Успех реформы целиком и полностью зависит не столько от перспективности идеи, целесообразности решений и продуманности планов и программ широкомасштабного реформирования ВС, сколько от твердости в реализации российским руководством взвешенной политики финансирования содержания и развития ВС на период 2009—2020 годы.

При этом научный подход состоит не в том, чтобы «соответствовать мировой практике» в установлении доли, выделяемой на национальную оборону от внутреннего валового продукта (ВВП) страны (например, в размере 3,5—4 %). Он заключается только в том, чтобы в результате реформы создать такие ВС, которые бы в полной мере соответствовали статусу России как Великой Державы, надежно обеспечивали военную безопасность страны и ее союзников, были бы твердой опорой при защите национальных интересов страны и проведении внешнеполитического курса государства.

Важно установить не доли от ВВП РФ, а заблаговременно рассчитать и определить действительно достаточные для проведения реформы размеры ежегодного финансирования содержания, перевооружения и развития ВС на период до 2020 года.

Достаточно напомнить, что с конца 80-х годов в течении около пятнадцати лет ВС РФ финансировались *на грани выживания*. От 70 % до 90 % средств по оборонному бюджету тратилось на содержание личного состава ВС. В эти годы боевая подготовка войск была ограничена. Запасы материальных средств истощились. Закупки ВВСТ почти не проводились, ВВСТ, оставшиеся в наследство от СССР, в значительной мере приведены в непригодное состояние.

Поэтому сейчас огромное значение имеет взвешенный подход в определении **структуры военного бюджета**. Важно принципиально решить проблемы по установлению баланса в структуре расходов на текущее содержание ВС и их техническое оснащение.

При этом надо учесть необходимые расходы на проведение в ВС РФ оргштатных мероприятий; финансирование обустройства войск (сил), расквартирования в новых местах дислокации, создание условий для их качественной боевой подготовки; на обеспечение военнослужащих и увольняемых офицеров жильем и последовательный переход армии на контрактную основу. Согласно решению Совета безопасности РФ от 28 июня 2005 года «К 2011 году планируется выйти на 50:50 и к 2015 году на 30:70 в пользу технического оснащения армии. Однако анализ структуры внесенного федерального бюджета показывает, что соотношение между расходами на текущее содержание и техническое оснащение ВС в 2009

году — 54,7:45,3, в 2010 году — 52,8:47,2, в 2011 году — 54,7:45,3 в пользу текущего содержания»⁶. Но с 2011 года, после завершения структурных преобразований и достижения уровня достойного содержания армии потребуются из года в год резко увеличивать расходы на перевооружение армии современным, технологически сложным и дорогим вооружением.

Для этого российскому руководству надо быть готовым и к преодолению объективно возникающих трудностей, а также различных критических нападков и бюрократических преград государственного аппарата, чтобы по ходу реформы ни при каких условиях не корректировать программы финансирования ВС в сторону уменьшения.

Глава государства Д.А. Медведев пообещал, что даже мировой финансовый кризис никак не отразится на расходах государства на армию. «Есть важнейшие позиции, по которым мы никаких решений по уменьшению финансирования принимать не можем и не будем»⁷ — заявил Президент.

Бывшая в то время заместитель министра обороны по финансово-экономической работе Любовь Куделина объявила масштабы ассигнований по военному бюджету РФ на текущий и очередной годы. Так «в 2009-м они составят 1 триллион 439 миллиардов рублей, то в следующем году увеличатся до 1 триллиона 509 миллиардов»⁸.

По оценке автора, примерные потребности в военном бюджете и распределении расходов на текущее содержание ВС РФ и их развитие в период с 2009 по 2020 годы могут быть следующими (рис. 2).

На рис. 2 видно, что в *первый период* (2009—2010) осуществляется формирование структуры нового облика ВС. Для этого необходимы дополнительные финансовые средства на проведение организационно-штатных мероприятий и слаживания бригад в новой организационно-штатной структуре. Дополнительные средства также потребуются на строительство и ремонт военных городков, с учетом расширения казарменного и жилого фонда для вновь сформированных бригад в военных городках, прежде приспособленных для размещения частей сокращенного состава и кадра меньшей численности и решения жилищных проблем военнослужащих. Кроме того, важно увеличить средства на расширение учебно-материальной базы и создание условий для обеспечения и качественной боевой подготовки.

В эти годы, ввиду общей недостаточности выделенных средств и потребности в первоочередном проведении структурных преобразований в СВ, ВВС и ВМФ, основная доля средств должна быть потрачена на содержание ВС, тем более, что в период структурных преобразований ВС РФ обеспечение их новыми видами вооружений не принесет должного эффекта. В этот период резонно увеличивать финансирование НИОКР, а закупки вооружений оставить на прежнем уровне. Например, в 2009 году соотношение между расходами на содержание ВС и их развитие можно было бы принять как 75 % к 25 %.

Структура военного бюджета РФ, принятого на 2009 год, показывает, что «соотношение между расходами на текущее содержание и техническое оснащение ВС (54,7 : 45,3)»⁹, по нашему мнению, не вполне соответствует задачам формирования нового облика ВС. К примеру, пока ребенок не научился ходить, ему не нужен велосипед.

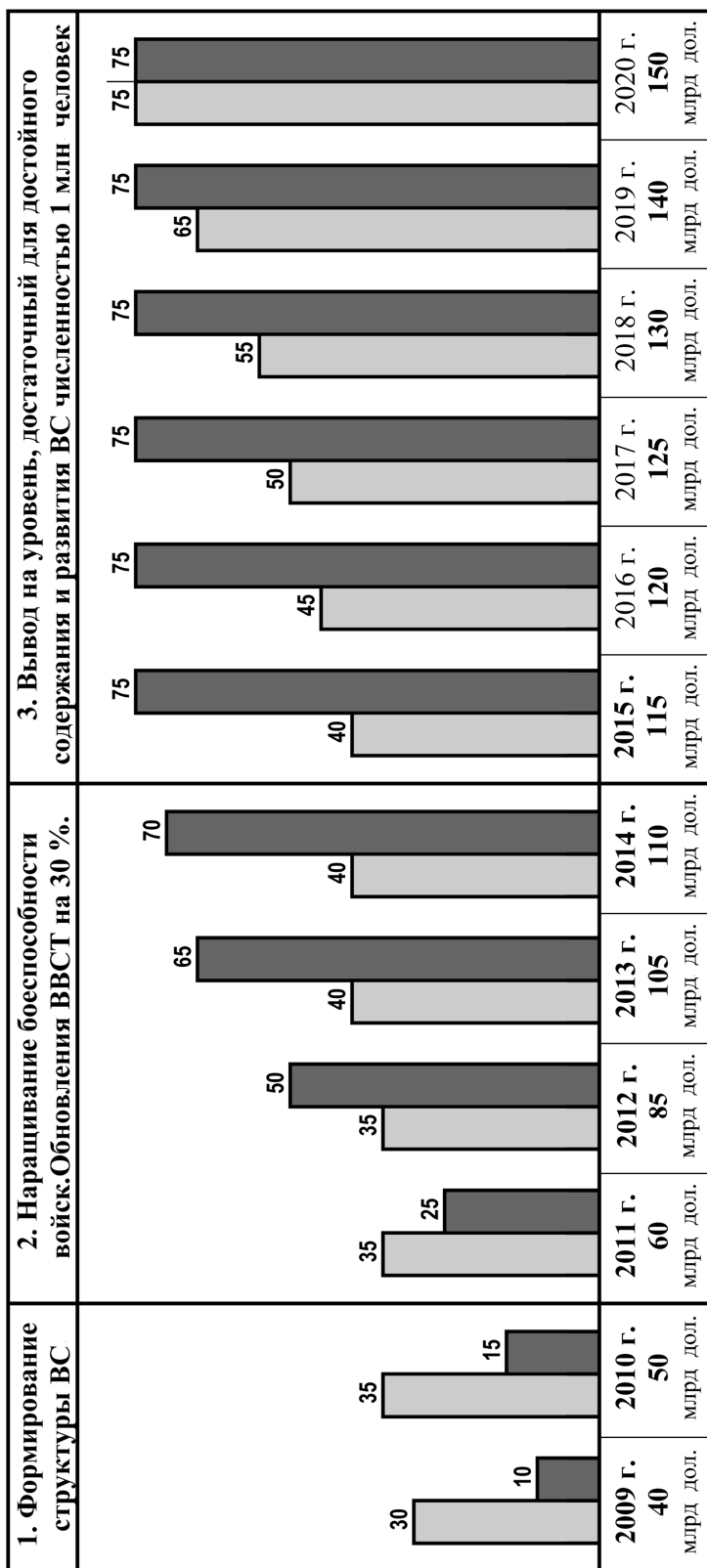
Второй период (2011—2014) — после завершения структурных преобразований, целесообразно использовать для наращивания уровней боеспособности частей (кораблей) за счет материально-технического обеспечения (обеспечения вещевым имуществом, продовольствием, топливом и боеприпасами), совершенствования боевой подготовки. В

⁶ В. Мухин Независимая газета 2008. 10 августа.

⁷ Российская газета. Федеральный выпуск. № 4854 2009 г. 20 февраля.

⁸ Российская газета. Центральный выпуск. № 4861 2009 г. 5 марта.

⁹ В. Мухин. Независимая газета. 2008 10 августа.

— Расходы на текущее содержание ВС: содержание личного состава, боевую подготовку, материальное обеспечение
 — Расходы на развитие и техническое оснащение ВС: закупки ВВСТ, проведение НИОКР и др.

Рис. 2. Примерные потребности в военном бюджете и распределении расходов на текущее содержание ВС РФ и их развитие в период 2009—2020 гг.

этот период огромные средства решено пустить на перевооружение частей и финансирование НИОКР.

Повышение потенциала вооружения ожидается за счет обновления ВВСТ примерно на 30%. Кроме того, потребуются средства на обеспечение постепенного перехода ВС на контрактную основу.

Третий период (2014—2020) — это период полного обновления ВВСТ, доставшихся от СССР, перехода ВС РФ на контрактную основу и выведения основных показателей боевого потенциала частей (кораблей): потенциалов их вооружения, боеспособности и готовности к применению по предназначению на уровень передовых армий мира.

Боеспособные ВС, которые страна может создать к 2020 году, должны стать основным сдерживающим фактором возникновения военных конфликтов и войн. Однако, до поры до времени, опрометчиво отказываться от приращения боевой мощи за счет мобилизации. Потребность армии и флота в мобилизационном резерве будет существенной до тех пор, пока не будут достигнуты обоснованные пределы достаточности в численности ВС РФ и их реальных боевых возможностях (потенциале боеспособности) для сдерживания, отражения любой возможной агрессии и решения других возложенных на них задач.

Нашей стране, исходя из реальных экономических возможностей и внешнеполитического курса, неприемлема позиция США, которые остаются безоговорочным мировым лидером в области военных затрат. Стремясь удержать курс на мировое господство, США намеренно содержат такие ВС, которые являются одними из первых в мире по численности, а главное — многократно превосходят армии любого государства по боевому потенциалу. Американский военный бюджет на 2009 год превышает 600 миллиардов долларов и сопоставим с аналогичными затратами всех остальных развитых государств в мире.

Вне всякого сомнения, облик ВС РФ, как один из основных элементов государственной структуры, должен соответствовать статусу страны. Для этого реальный боевой потенциал ВС должен быть доведен до предела разумной достаточности, то есть предела, позволяющего надежно обеспечивать обороноспособность и защиту национальных интересов страны и ее союзников.

При этом мы осознаем сложность решительного шага, принятого по решению Президента Российской Федерации, Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами РФ Д.А. Медведева, по переводу всех воинских формирований ВС в категорию постоянной готовности. Но обновленная миллионная армия многократно увеличит свою боевую мощь за счет существенного повышения уровня боеспособности воинских формирований и обновления ВВСТ.

Этот процесс будет особенно трудным и болезненным для сотен тысяч военнослужащих, прежде всего офицеров, как вынужденно уволенных из ВС, так и остающихся в них. Но главная трудность заключается в установлении достаточного и бесперебойного исполнения программы финансирования строительства ВС. Без надежных гарантий государства и проводимых им практических мер по финансированию национальной обороны в строгом соответствии с рассчитанными потребностями на преобразование, содержание и развитие (перевооружение) ВС РФ достижение ими современного облика и необходимой боевой мощи невозможно даже при предельно ограниченной и очевидно недостаточной для России их численности — 1 млн человек.

Несмотря на все трудности, руководство страны заверило нас в том, что отказываться от реформирования армии оно не намерено.

Методика оценки боевых возможностей группировок войск в целях обоснования решений по строительству и применению ВС

*Полковник в отставке А.А. Бобриков,
доктор военных наук*

АННОТАЦИЯ Представлены методика расчета боевых возможностей группировок войск (сил) и воинских формирований на основе универсального показателя эффективности поражения противника — математического ожидания количества пораженных объектов с учетом их важности и новые подходы к применению данных расчетов для обоснования и оценки решений по строительству, развитию и применению ВС РФ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: боевые возможности, единый показатель эффективности поражения, эталонная система, система вооружения, боевое применение.

SUMMARY. We present the method of estimating the combat capabilities of groups of troops (forces) and military units on the basis of a universal indicator of the effectiveness of the enemy's defeat — expectation of the number of affected objects based on their importance and new approaches to application of this estimation to justify and evaluate decisions for construction, development and application of the Armed Forces.

KEYWORDS: combat capabilities, unified indicator of effectiveness of defeat, reference system, weapons system, combat use.

БОБРИКОВ Анатолий Алексеевич родился 10 августа 1923 года в с. Семеновское Борисоглебского района Ярославской области. Окончил Ленинградскую специальную артиллерийскую школу (1941), Второе Ленинградское артиллерийское училище (1941), Военную академию им. Ф.Э. Дзержинского (1950). Участник Великой Отечественной войны с ноября 1941 по май 1945 года. Воевал на Калининском и Первом Прибалтийском фронтах в должностях старшего офицера и командира артиллерийской батареи, начальника штаба и командира артиллерийского дивизиона.

В послевоенное время — преподаватель и старший преподаватель Военной академии им.

Ф.Э. Дзержинского, начальник штаба ракетной бригады в Группе Советских войск в Германии и Белорусском военном округе, старший преподаватель Центральных артиллерийских курсов, начальник системного отдела, начальник управления и заместитель начальника 32 НИИ РВиА по науке.

После увольнения из рядов Вооруженных Сил СССР (1987) и по настоящее время работает ведущим научным сотрудником Научно-исследовательского центра РВ и А ВС РФ, заслуженный деятель науки РФ, действительный член Академии военных наук, профессор. Создал научную школу по оперативно-тактическому обоснованию развития ракетного и артиллерийского вооружения РВиА Сухопутных войск. Подготовил 12 кандидатов и трех докторов военных наук.

ВАЖНЕЙШЕЙ задачей современной военной науки является обоснование решений по строительству, развитию и применению Вооруженных Сил как широко и глубоко интегрированной разведывательно-информационной поражающей системы (РИПС), способной с минимальными потерями людских ресурсов обеспечить безопасность страны. Концептуально эта система впервые была представлена на конференции руководящего состава Вооруженных Сил Российской Федерации в 2003 году, а ее содержательную сущность предельно ясно выразил начальник Генерального штаба на встрече с представителями средств массовой информации, характеризуя состояние системы управления войсками: «Решили создать новую современную систему связи, которая позволит каждому командиру получать необходимую информацию в любом пункте нахождения, осуществлять оперативное управление вверенными подразделениями»¹.

Основной научной задачей, решаемой в целях создания РИПС, является разработка адаптивного к изменению условий ведения боевых действий, динамично развивающегося методического аппарата сравнительной оценки различных вариантов качественно-количественного состава группировок войск (воинских формирований) и их систем вооружения на основе единого для всех ВС показателя эффективности. Успешно выполнить эту задачу возможно, на наш взгляд, только на основе системного подхода и рассмотрения ВС РФ в целом и каждой их составной части в отдельности как сложных боевых систем, обладающих дуализмом, т. е. соединяющих в себе две подсистемы: «войска» (материальный объект) и «формы применения войск и способы их действий» (процесс).

Группировки войск (сил) различного уровня как интегрированные РИПС достигают конечной цели операции (боя) в основном за счет нанесения противнику комплексного поражения (огневого, радиоэлектронного, специальными средствами и др.). Следовательно, основной характеристикой таких систем, определяющей их боевую сущность, выступают боевые возможности по поражению противника и нанесению ему ущерба при выполнении определенной боевой задачи в некоторой типовой или конкретно складывающейся обстановке. Это, по сути, аксиоматическое положение приводит к выводу о том, что, несмотря на разнородность состава поражающих систем, решаемых ими задач, форм и способов действий войск, единым показателем эффективности, наиболее полно и объективно характеризующим их качественно-количественное состояние, следует считать их боевые возможности, измеряемые математическим ожиданием ущерба, наносимого оцениваемой системой противнику в ходе выполнения боевой задачи (ряда одновременно или последовательно выполняемых задач). При этом боевые задачи должны соответствовать рассматриваемой системе и могут быть стратегического, оперативного или тактического уровня.

Поскольку любое оружие само по себе не обладает боевыми возможностями, а проявляет их только в ходе выполнения боевых задач, действуя в составе группировок войск (воинских формирований), можно, на наш взгляд, допустить, что боевые возможности их систем вооружения идентичны боевым возможностям самих группировок войск (воинских формирований), оцениваются значениями того же показателя – математического ожидания наносимого противнику ущерба и определяются по формуле:

$$БВ_c = \sum_{i=1}^r M(W_{B3}_i), \quad (1)$$

¹ Военно-промышленный курьер, № 24 (290). 2009, 24-30 июня.

где: $BВ_c$ – боевые возможности оцениваемой системы (группировки войск, воинского формирования, системы вооружения) по поражению противника при выполнении $г$ боевых задач в условиях определенной обстановки;

$M(W_{вз.})$ – математическое ожидание величины ущерба наносимого противнику оцениваемой системой, при выполнении i -й боевой задачи.

Современная теория оценки эффективности поражения различными средствами (ракетами, артиллерией, авиацией, инженерным, радиоэлектронным вооружением и др.) предлагает весьма широкий ассортимент характеристик наносимого противнику ущерба. Практически же применяются в основном показатели, связанные с понятиями о боевых потенциалах объектов поражения, их важности, а также об уровнях и времени потери боеспособности противником в зависимости от степени нанесенного ему поражения и др. По нашему мнению, универсальным показателем эффективности поражения противника, наиболее полно и объективно отражающим результат воздействия того или иного воинского формирования (группировки войск), средства (системы средств) и (или) способа поражения (их совокупности), является математическое ожидание количества объектов в группировке противника (с учетом их важности), пораженных при выполнении боевой задачи. Тогда формула (1) принимает следующий вид:

$$BВ_c = M(N_{по})_{кв}, \quad (2)$$

где: – $M(N_{по})_{кв}$ математическое ожидание количества объектов противника, пораженных оцениваемой системой при выполнении боевой задачи, рассчитанное с учетом их важности.

Возможные объекты поражения эвентуальных противников изучаются еще в мирное время, создаются их каталоги с описанием характеристик, необходимых для определения средств, способов и ресурсов для поражения каждого из них. Конкретный же перечень объектов, их важность и задачи на поражение определяются командующими (командирами) и штабами непосредственно при подготовке и в ходе операции (боя), или исследователями, разрабатывающими рекомендации по развитию и боевому применению сил и средств поражения.

Чтобы стало возможным рассчитать $M(N_{по})_{кв}$, необходимо определиться с двумя понятиями: во-первых, что означает состояние «объект поражен» после того или иного воздействия на него; во-вторых, какова важность объектов поражения противника при решении войсками стоящей перед ними боевой задачи.

Состояние поражения объекта в общем виде предполагает потерю им боеспособности на то или иное время. Для одного типа объектов в данной конкретной обстановке это будет подавление или уничтожение, для другого – разрушение, для третьего – дезорганизация, воспреещение и др. Все эти состояния являются требуемыми (планируемыми) после воздействия по ним средств поражения, и для их достижения теорией определены и практикой подтверждаются способы применения средств поражения и затраты необходимых ресурсов.

Таким образом, в методике расчета математического ожидания числа пораженных объектов таковым должен считаться тот объект, по которому соответствующим способом применено соответствующее средство поражения с расходом расчетной нормы ресурсов (боеприпасов) для приведения его в требуемое состояние. Например, чтобы подавить батарею самоходных бронированных орудий на дальности стрельбы 12 км, требуется привлечь не менее двух артиллерийских дивизионов, оснащенных гаубицами калибра 152-мм (122-мм), осуществить полную

подготовку стрельбы, вести беглый огонь дивизионами внакладку способом обстрела цели – батареями шкалой с расходом 10 (16) осколочно-фугасных снарядов на орудие.

Важность объектов противника определяется ущербом, который каждый из них может прямо или опосредованно нанести группировке наших войск в условиях решения ими поставленной боевой задачи. Попытки заранее установить некие универсальные значения коэффициентов важности типовых объектов противника для использования при решении различных исследовательских и практических задач оказываются несостоятельными, поскольку это зависит от множества конкретных условий: их положения в оперативном построении (боевом порядке) войск противника; состояния и тактики действий противника в условиях решения нашими войсками поставленной боевой задачи; плана действий наших войск по достижению конечной цели операции (боя) и др.

Коэффициенты важности объектов поражения противника следует определять по следующей формуле, входные величины в которую учитывают условия, влияющие на их значение:

$$K_{B_i} = \frac{M'(W_{B3_i})}{M'(W_{B3})}, \quad (3)$$

где: (K_{B_i}) – коэффициент важности объекта поражения i -го типа;

$M'(W_{B3_i})$ – математическое ожидание ущерба, который может нанести нашим войскам, выполняющим поставленную боевую задачу, объект противника i -го типа;

$M'(W_{B3})$ – математическое ожидание ущерба, который может нанести нашим войскам, выполняющим поставленную боевую задачу, эталонный объект противника (в качестве последнего может быть взят объект с минимальными или хорошо известными боевыми возможностями).

Расчет по представленной формуле коэффициентов важности объектов поражения противника для условий выполнения каждой конкретной боевой задачи требует двустороннего моделирования боевых действий с вводом большого количества исходных данных, характеризующих противоборствующие стороны. Это сложно решаемая задача. Поэтому в условиях, когда результаты расчетов с использованием коэффициентов важности объектов поражения используются для сравнительных оценок различных вариантов решений в одной и той же обстановке, для определения их значений может быть применен метод экспертных оценок, например, по принципу «мишени», когда самым важным объектам присваивается наибольший коэффициент, допустим – 10 (или какой-то другой), объектам меньшей степени важности – 9 и так далее до 1 (единицы).

Определение перечня объектов и их важности на основе замысла поражения противника в условиях выполнения конкретной боевой задачи позволяет расставлять приоритеты их вывода из строя, а также учитывать влияние оперативно-тактических исходных данных на выработку рекомендаций по формальной поддержке решений на развитие системы вооружения, форм и способов применения ВС.

С учетом вышеизложенного формулу (2) для расчета боевых возможностей группировки наших войск (оцениваемой системы) в условиях выполнения конкретной стратегической, оперативной или тактической задачи представляется возможным записать в следующем виде:

$$BВ_C = M(N_{ПО})_{K_{B_i}} = \sum_{i=1}^n M(N_{ПО_i})_{K_{B_i}}, \quad (4)$$

где n – число типов объектов поражения противника.

Если математическое ожидание числа пораженных объектов противника определять отдельно для каждого формирования, осуществляющего поражение, формула (4) примет вид:

$$БВ_c = M(N_{по})_{кв} = \sum_{j=1}^m \sum_{i=1}^n M(N_{по_i})_{кв_j}, \quad (5)$$

где: $M(N_{по_i})_{кв_j}$ – математическое ожидание числа пораженных объектов противника i -го типа j -м формированием;
 m – число формирований, осуществляющих поражение противника.

Расчет боевых возможностей группировок войск (воинских формирований) может проводиться в интересах решения **двух основных задач** военной науки:

первая – обоснование решений по строительству и развитию Вооруженных Сил, так как при этом необходимо добиваться максимального уровня этого показателя;

вторая – поддержка решений на боевое применение сил и средств в конкретно складывающейся обстановке операции (боя) в целях выработки наиболее оптимального плана действий группировки войск (воинского формирования).

При решении **первой задачи** расчет боевых возможностей группировок войск (воинских формирований) производится для определения качественного состава системы вооружения ВС (как основных направлений ее развития в целом, так и приоритетов совершенствования составляющих ее элементов), наиболее рациональных организационных структур ВС, эффективных форм применения войск (сил) и способов ведения ими боевых действий на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях.

Для обоснования решений по любой из этих частных задач строительства и развития ВС необходимо отыскивать (определять) такие варианты качественно-количественного состава, организационной структуры, форм применения и способов действий исследуемой системы, которые позволяли бы достигать максимума боевых возможностей и успешно их реализовывать при решении основных боевых задач в соответствии со своим предназначением.

Определение оптимального варианта исследуемой системы осуществляется путем сравнения боевых возможностей ее различных вариантов между собой и с эталонным вариантом. Для проведения сравнительной оценки используется специальный показатель – приращение боевых возможностей системы ($П_{БВ_с}$), показывающий интегральное (по всей сумме учитываемых характеристик) отличие исследуемой (оцениваемой) системы от эталонной, в качестве которой принимается существующая на день оценки система. Определяется этот показатель по следующей формуле:

$$П_{БВ_{овс}} = \frac{БВ_{овс} - БВ_{эс}}{БВ_{эс}} = \left(\frac{БВ_{овс}}{БВ_{эс}} - 1 \right) \times 100\%, \quad (6)$$

где: $БВ_{овс}$ – боевые возможности оптимального варианта исследуемой системы;

$БВ_{эс}$ – боевые возможности эталонной системы.

Поскольку развитие Вооруженных Сил идет эволюционным путем, возникает необходимость оценки вклада их развивающихся компонентов в боевые возможности всей системы, а также проверки сбалансированности последней, т. е. определения оптимального соотношения составляющих ее компонентов и приоритетов их развития. К компонентам исследуемой системы относятся: подсистемы, комплексы, образцы вооружения при определении основных направлений развития ВВТ; количественное или структурное изменение (или то и другое вместе)

при обосновании боевого состава воинских формирований; варианты форм применения группировок войск (сил), способов ведения ими боевых действий и решения задач при выработке положений руководящих (уставных) документов по ведению военных действий (общевойскового боя).

Приращение боевых возможностей существующей (эталонной) системы за счет нового компонента ($P_{БВ_{эск}}$) рассчитывается по следующей формуле:

$$P_{БВ_{эск}} = \frac{БВ_{эск} - БВ_{эс}}{БВ_{эс}} = \left(\frac{БВ_{эск}}{БВ_{эс}} - 1 \right) \times 100\%, \quad (7)$$

где: $БВ_{эск}$ – боевые возможности эталонной (существующей) системы после введения в ее состав нового компонента.

Для определения боевых возможностей по формулам (5, 6, 7) необходимо иметь методический аппарат расчета математического ожидания ущерба, наносимого противнику исследуемой системой при решении боевых задач. Для этого, как известно, нужны военно-технические и оперативно-тактические исходные данные. При оценке существующей (эталонной) системы к этим данным относятся ее организационная структура, тактико-технические характеристики образцов (комплексов) ВВТ, состоящего на вооружении, и положения действующих руководящих (уставных) документов, определяющих формы применения войск (сил) и способы ведения боевых действий.

Исходными данными для оценки боевых возможностей перспективной системы (эталонной системы после введения в ее состав нового компонента) являются прогнозируемые в ходе разработки основных направлений ее развития оперативно-тактические требования к образцам (комплексам) ВВТ и новые, разрабатываемые взгляды на формы применения войск (сил) и способы ведения боевых действий в возможных военных конфликтах будущего.

Оперативно-тактические исходные данные, характеризующие боевые действия в возможных военных конфликтах того или иного периода, могут быть получены на основе исчерпывающих сценариев прогнозируемых операций (боев). Однако разработка таких сценариев на перспективу очень затруднена и в настоящее время их практически нет. Реальные данные о вероятном противнике и характере возможных боевых действий мы можем получить только на основании анализа его существующей и перспективной систем вооружения, их свойств и возможностей в случае применения в оптимальной организационной структуре оптимальными способами в характерных эпизодах боевых действий, которые могут возникнуть в ходе военного конфликта. Поэтому **оперативно-тактические исходные данные на перспективу** для решения задач строительства ВС предлагается **прогнозировать путем разработки соответствующей модели боевых действий (МБД)**, состоящей из типовых эпизодов, в сумме своей отражающих характер боевых действий исследуемой системы в той войне (войне того периода), для которой она создается (в которой будет применена).

Эпизоды, включаемые в МБД, должны охватывать все возможные объекты поражения группировки войск (сил) противника, все средства поражения исследуемой системы, прогнозируемые формы применения войск и способы ведения ими боевых действий. Глубокий анализ системы вооружения вероятного противника, решаемых ею задач и возможных способов их выполнения позволяет достичь высокой степени достоверности содержания типовых эпизодов и, следовательно, объективности определения боевых возможностей исследуемой системы.

Задача выявления варианта нового компонента системы, вносящего максимальный вклад в ее боевые возможности, **определения оптимально-**

го состава всей перспективной системы вооружения ВС и оценки ее боевых возможностей решается в следующей последовательности:

Во-первых, определяется новый компонент, вводимый в состав исследуемой системы. Его облик описывается характеристиками или требованиями, предъявляемыми к нему в ходе разработки основных направлений развития системы вооружения. Новый компонент может быть исследован в нескольких вариантах.

Во-вторых, для каждого варианта нового компонента на основе содержания эпизодов МБД и других данных, полученных в ходе выработки основных направлений развития, разрабатываются исходные данные для расчета приращения боевых возможностей эталонной системы. По максимальному значению этого показателя определяется вариант нового компонента для включения его в состав перспективной системы вооружения. Таким образом, последовательно по данной схеме отбираются наилучшие варианты всех новых компонентов и формируется перспективная система вооружения.

В-третьих, на основании содержания боевых эпизодов МБД и других данных, полученных в ходе определения основных направлений развития системы вооружения, рассчитываются боевые возможности перспективной системы вооружения и приращение ее боевых возможностей относительно существующей (эталонной) системы по следующим формулам:

$$БВ_{ПерС} = \sum_{i=1}^n БВ_{ПерС_i}, \quad (8)$$

$$П_{БВ_{ПерС}} = \left(\frac{БВ_{ПерС}}{БВ_{ЭС}} - 1 \right) \times 100\%, \quad (9)$$

где: $БВ_{ПерС_i}$ — боевые возможности перспективной системы вооружения в i -ом эпизоде боевых действий;

$П_{БВ_{ПерС}}$ — приращение боевых возможностей перспективной системы вооружения относительно существующей (эталонной) системы вооружения.

На основе расчетов из всего разнообразия прогнозируемых образцов, комплексов, подсистем отбираются те, которые вносят наибольший вклад в боевые возможности системы. С учетом их внедрения будут определяться основные направления развития всей системы, а приоритет следует отдавать тем из них, которые обеспечивают максимум прироста боевых возможностей системы.

По приведенной схеме определяются основные направления развития и системы вооружения любого более низкого уровня, как материальной, так и функциональной. При этом их боевые возможности должны рассчитываться на основе МБД, содержание эпизодов которой четко соответствует исследуемой системе, ее предназначению и решаемым задачам. Так, для решения главной проблемы строительства Вооруженных Сил — определения их качественно-количественного состава на военное время, МБД для расчета боевых возможностей должна включать эпизоды решения стратегических задач с участием всех видов, родов войск ВС и воинских формирований других министерств и ведомств РФ. Достаточно полно эти эпизоды можно разработать на основе подробного сценария региональной войны.

Важно, чтобы эпизоды боевых действий, составляющие содержание МБД, позволяли определять все исходные данные стратегического, оперативного и тактического уровней (в зависимости от исследуемой системы), необходимые для расчета математического ожидания ущерба противоборствующих сторон. Причем следует иметь в виду, что **обоснованность и объективность сравнительной оценки вариантов исследуемой**

системы в первую очередь зависят от правильности прогнозирования характера боевых действий и боевого состава группировок противоборствующих сторон в операциях (боях) в возможных военных конфликтах.

В силу большой степени неопределенности вопрос формирования содержания эпизодов МБД для решения задач на уровне больших сложных систем (ВС, виды и рода войск ВС, формирования оперативно-стратегического и оперативного звеньев) требует приложения коллективных усилий с участием научно-исследовательских учреждений видов и родов войск ВС и постоянного уточнения в соответствии с изменениями военно-технических условий и характера военных действий. Для решения задач на тактическом уровне эпизоды боевых действий соответствующих МБД целесообразно разрабатывать на фоне содержания эпизодов, сформированных для вышестоящего звена управления.

Задачи определения основных направлений развития исследуемой системы и приоритетов развития ее элементов, а также достижения ее сбалансированности в целом решаются в мирное время на основе единых оперативно-тактических, военно-технических и экономических исходных данных. При этом учитываются по возможности все факторы, определяющие боевые возможности рассматриваемого объекта в самых разнообразных условиях.

При наличии данных о стоимости образцов ВВТ представленная схема расчета боевых возможностей группировок войск (воинских формирований) позволяет провести оценку создания той или иной системы вооружения исходя не только из оперативно-тактической целесообразности, но и с учетом экономических возможностей государства. Практически эта задача решается путем отнесения стоимости нового компонента, вводимого в систему, к приращению ее боевых возможностей

$$Z = \frac{D}{P_{БВ\text{перс}}}, \quad (10)$$

где: Z – показатель стоимости приращения боевых возможностей системы на 1% относительно боевых возможностей эталонной системы;

D – стоимость того вооружения, за счет которого достигается приращение боевых возможностей системы.

Система вооружения, имеющая максимальные боевые возможности при отпущенных средствах на ее создание и применение, является сбалансированной.

На основании вышеизложенного представляется возможным сформулировать **главные положения комплексной методики сравнительной оценки боевых возможностей системы сил и средств поражения в интересах обоснования решений по строительству ВС.**

ПЕРВОЕ. Эта методика предназначена для обоснования основных направлений развития систем вооружения, боевого состава и структуры воинских формирований, форм применения группировок войск (сил) и способов ведения ими боевых действий.

ВТОРОЕ. Все исходные данные для проведения расчетов формируются на основе единых оперативно-тактических, военно-технических и военно-экономических исходных данных.

ТРЕТЬЕ. Методика включает две составляющие: оперативно-тактическую в виде МБД, включающей типовые эпизоды боевых действий исследуемой системы; расчетную в виде математического аппарата определения величины боевых возможностей системы и ее элементов.

ЧЕТВЕРТОЕ. Расчетная составляющая методики строится на основе универсального показателя – наносимого противнику ущерба, измеряемого математическим ожиданием числа пораженных объектов

противника, которое рассчитывается с учетом их важности при решении конкретной боевой задачи.

ПЯТОЕ. Методика должна быть адаптивной к изменению условий развития военной организации и взглядов на характер боевых действий в возможных военных конфликтах.

Второй задачей военной науки, где целесообразно использовать методику расчета боевых возможностей, является обоснование решений на боевое применение сил и средств поражения противника, создание соответствующих группировок и управление ими в конкретных условиях обстановки операции (боя). Очевидно, что в этом случае для расчета боевых возможностей группировок войск (воинских формирований) не требуется создавать МБД.

Формализованная поддержка принятия решения на поражение противника обычными средствами при выполнении той или иной оперативной (тактической) задачи будет заключаться в выявлении такого варианта плана поражения противника ($V_{ПлП}$), при реализации которого достигается наибольшее значение боевых возможностей группировки наших войск в конкретно сложившейся обстановке. Отношением математического ожидания числа пораженных объектов $M(N_{ПО})_{Вплп}$ к общему количеству объектов в группировке противника ($N_{ОП}$), рассчитанный с учетом их важности, определяется степень снижения его боевых возможностей ($S_{гр}^{Вплп}$) от воздействия наших средств в ходе реализации того или иного варианта плана поражения противника при выполнении боевой задачи:

$$S_{гр}^{Вплп} = \frac{M(N_{ПО})_{Вплп}}{N_{ОП}} \times 100\% \quad (11)$$

Если математическое ожидание числа выведенных из строя объектов противника определяется отдельно для каждого воинского формирования, осуществляющего поражение, то формула (11) примет следующий вид:

$$S_{гр}^{Вплп} = \frac{\sum_{j=1}^m \sum_{i=1}^n M(N_{ПО})_{Вплп}}{N_{ОП}} \times 100\% \quad (12)$$

Вариант плана поражения противника, которому соответствует максимальное значение степени снижения его боевых возможностей (ВПлП max), по формальным признакам является оптимальным и может быть рекомендован для принятия решения на боевое применение средств и сил в конкретно сложившейся обстановке.

Предлагаемый порядок определения оптимального варианта плана поражения противника при решении конкретной боевой задачи, будучи положенным в основу методик стратегических и оперативно-тактических расчетов, позволяет **создать единый методический аппарат оценки эффективности комплексного поражения противника в операции (бою)** на базе расчета боевых возможностей группировок войск (сил) по единому показателю – ущербу, наносимому противнику.

Методики стратегических, оперативно-тактических и тактических расчетов по планированию комплексного поражения противника на основе единого показателя эффективности поражения целесообразно, на наш взгляд, ввести в автоматизированные системы управления всех уровней, осуществляющих это планирование. В дальнейшем их необходимо постоянно совершенствовать и уточнять по мере возрастания возможностей средств АСУВ, а также в связи с изменением содержания боевых задач войск (сил) и обстановки, в которой они выполняются, количественно-качественного состава привлекаемых сил и средств поражения, форм их применения и способов ведения боевых действий.

О реализации сетецентрических принципов управления силами и средствами вооруженной борьбы в операциях (боевых действиях)

*Полковник В.И. ВЫПАСНЯК,
кандидат военных наук*

АННОТАЦИЯ. Обосновывается необходимость в функциональном объединении на сетцентрической платформе всех действий, направленных на достижение требуемой эффективности поражения противника, в интеграции усилий разнородных сил и средств по решаемым задачам, месту и времени для повышения эффективности их совместного применения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информационное пространство, сетецентрические операции, управление войсками, интеграция, информационно-управляющая система, разведывательно-поражающая система, единый контур управления.

SUMMARY. It is substantiated the need for functional integration on the base of network-centric platform of all actions to achieve the required efficiency of defeating the enemy, to integrate the efforts of diverse forces and resources on tasks, time and place to enhance the effectiveness of their joint application.

KEYWORDS (TAGS): information space, network-centric operations, command and control, integration, information-controlling system, intelligence-and-destroying system, a single control outline.

ВЫПАСНЯК Владимир Иванович родился 26 октября 1959 года в поселке Аллакуртти Канда-лакшского района Мурманской области.

Окончил Калининское суворовское военное училище (1976), Хмельницкое высшее артиллерийское командное училище с золотой медалью (1980), Михайловскую артиллерийскую академию с отличием (1989), очную адъюнктуру ВА БТВ (1992). Службу проходил на должностях командира взвода, командира артиллерийской батареи, офицера штаба РВиА общевойсковой объединения в Прикарпатском военном округе.

С 1992 года — в 27 ЦНИИ МО РФ. Прошел путь от старшего научного сотрудника до начальника управления. В настоящее время исполняет обязанности заместителя начальника института по научной работе. Специалист в области автоматизации процессов управления войсками (силами) и оружием, разработки специального математического и программного обеспечения автоматизированных систем военного назначения. Награжден орденом «Почета» и многими медалями. Автор более 150 научных трудов.

РЕАЛИЗАЦИЯ нового подхода к строительству ВС РФ требует от военно-политического руководства решения целого комплекса сложных и нетрадиционных задач, среди которых ключевое место отводится повышению эффективности управления войсками (силами) за счет приоритетного создания пространственно-распределенных информационно-управляющих систем (ИУС), обеспечения их интеграции с высокоинтеллектуальными системами оружия нового поколения, прежде всего высокоточного оружия (ВТО) большой дальности. И это не случайно! Именно в данной

области мы существенно отстаем от потенциальных противников, прежде всего от ВС США.

В настоящее время применение американских ВС в локальных и региональных конфликтах осуществляется в соответствии с концепцией «Ведение боевых действий в едином информационном пространстве», которая представляет собой систему взглядов на формы и способы вооруженной борьбы в условиях крупномасштабного внедрения новейших информационных технологий и средств автоматизации в процессы управления войсками (силами) и оружием.

В рамках данной концепции предполагается создание качественно новых боевых формирований путем объединения средств разведки и наблюдения, средств поражения и элементов информационно-управляющих систем в единую сеть средств ведения вооруженной борьбы (рис. 1) во всех центрах (звеньях) управления межвидовыми (объединенными) группировками войск (сил) — от стратегического до тактического .

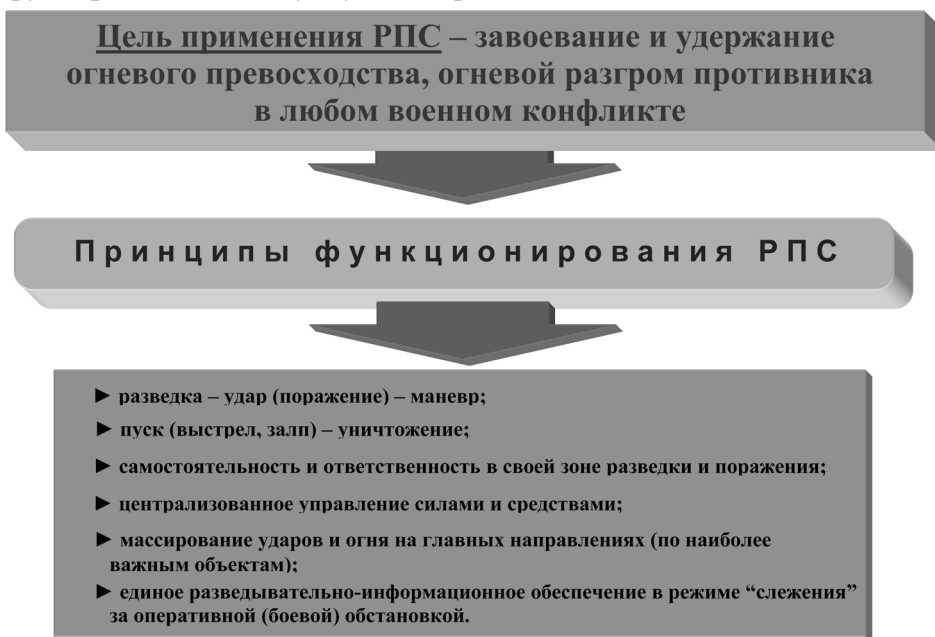

Рисунок . Цель применения и принципы функционирования РПС

Поэтому среди отечественных военных специалистов организация боевых действий формирований такого типа больше известна как концепция сетцентрических операций¹. Характерной особенностью таких операций является существенное повышение эффективности управления группировками войск (сил) за счет динамичного отображения единой картины оперативно-стратегической либо оперативно-тактической обстановки в различных органах управления; получения более полных и точных сведений об объектах противостоящей группировки; достижения превосходства в процессах обработки, анализа и распределения информации, принятия и реализации решений; значительного уменьшения длительности цикла «обнаружение-опознавание-целеуказание-поражение».

На практике такой способ управления войсками (силами) чем-то напоминает компьютерную игру, в ходе которой командование в реальном масштабе времени получает на свои рабочие места информацию об об-

¹ Раскин А. В., Пеляк В. С. Сетцентрическая война – война информационной цивилизации. // Военная Мысль. 2008. № 4. С.78 – 80.

становке в виде данных о взаимном расположении сил и средств (своих и противника), местоположении целей и их параметрах (с указанием приоритетности поражения и степени опасности каждого объекта), а также о других характеристиках группировок сторон, необходимых для принятия решения. В назначенных зонах ответственности соответствующие командиры (командиры) отдают указания на огневое поражение либо на доразведку каждой из целей в виде соответствующих отметок на экранах мониторов, наносимых в интерактивном режиме. При этом формирование приказов и распоряжений непосредственным исполнителям и передача необходимой для их реализации информации обеспечиваются техническими средствами управления.

Реализация новых сетевых принципов управления силами и средствами вооруженной борьбы в военных конфликтах последнего десятилетия позволила многократно повысить боевые возможности группировок войск (сил), оснащенных современными системами оружия.

Исследования показывают, что в качестве таких принципов можно выделить следующие: модульность построения информационно-управляющих, ударных и обеспечивающих систем; централизованное управление формированиями при одновременном децентрализованном выполнении задач рассредоточенными в пространстве разнородными силами и средствами; сквозной доступ органов управления к информационной инфраструктуре страны и вооруженных сил, информационным и коммуникационным ресурсам автоматизированных систем управления и связи; формирование единой картины ситуационной осведомленности для всех звеньев управления в реальном масштабе времени; оптимизация боевого применения привлекаемых формирований на основе автоматизированной поддержки принятия решений; вертикальная и горизонтальная интеграция сил и средств борьбы в единую суперсистему².

Мировой опыт военного строительства свидетельствует, что обеспечение всесторонней интеграции систем управления, связи, поражения и всестороннего обеспечения, повышение уровня их взаимодействия, а также достижение синергетического эффекта за счет создания сетевых связей становится приоритетным направлением реформирования ВС большинства стран мира³.

В этой связи актуальной задачей проводимых военно-научных исследований является определение путей обеспечения «глубокой» интеграции сил и средств вооруженной борьбы, способов реализации принципов их организационно-технического объединения и функционального взаимодействия, отвечающих приоритетам развития систем оружия, революционным изменениям в теории и практике управления войсками (силами).

Первая попытка в этом направлении, предпринятая почти одновременно на Западе и в Советском Союзе, основывалась на комплексировании средств разведки и поражения в составе специализированных разведывательно-огневых комплексов (РОК) или разведывательно-ударных комплексов (РУК). Эффективность их применения при выполнении поставленных задач оказалась существенно ниже расчетных параметров, полученных при проектировании данных комплексов.

Выявленное несоответствие возможностей РУК (РОК) задаваемым требованиям объясняется отсутствием в структуре этих формирований таких важных компонентов как интегрированная подсистема автоматизированного управления всеми составными элементами в едином информационном пространстве, а также ряда компонентов всестороннего обеспечения, особенно в интересах решения задач целеуказания, навигации, связи, топогеодезического и метрологического обеспечения.

² Кондратьев А. Нужна ли информационная революция в армии. // Военно-промышленный курьер. 2008. № 48 (264). С. 10.

³ Чельцов Б., Волков С. Сетевые войны XXI века. // Воздушно-космический сборник. 2008. № 2. С. 6 – 15.

Из-за указанных недостатков применение РУК и РОК в существующих на тот момент системах управления войсками (силами) не обеспечивало сокращение цикла «Разведка — поражение» до требуемого уровня и не давало существенного прироста эффективности поражения объектов противника в оперативно-тактической и, тем более, в оперативно-стратегической глубине. Видимо, по этой причине, вышеуказанные комплексы так и не получили практической реализации ни в ОВС НАТО, ни в ВС СССР.

Справедливости ради нужно отметить успешный опыт создания и использования в ВС СССР, а затем и России морской системы разведки и целеуказания, ее последующего развития в космическую систему разведки и целеуказания, которые являлись по своей сути специализированными разведывательно-ударными системами ВМФ и предназначались для поражения надводных кораблей противника в морских (океанских) операциях. Несмотря на несовершенство отдельных составных элементов, узкое предназначение и высокую стоимость этих систем, они обеспечивали, по опыту учений, существенный прирост эффективности поражения надводных целей в масштабе реального времени.

Находясь в благоприятных условиях стабильного и постоянно возрастающего финансирования, вооруженные силы США провели необходимые исследования в области создания сетцентрических информационно-управляющих систем и предприняли дополнительные меры по интеграции в единый контур управления не только современных средств поражения, но и всех требуемых элементов оперативного (боевого) обеспечения, прежде всего информационного, а также по существенному повышению степени автоматизации всех процессов в цикле боевого управления высокоточным оружием (начиная с обнаружения целей и их оптимального распределения, и заканчивая автоматической подготовкой данных полетных заданий, их передачей на пункты управления огнем поражением, осуществлением пуска (выстрела) и контроля за результатом воздействия).

Результаты исследований позволили установить, что территориально-распределенные информационно-управляющие системы, объединенные в единую сеть с ударными и обеспечивающими системами, позволяют многократно повысить эффективность огневого и радиоэлектронного воздействия по противнику за счет значительного сокращения цикла управления оружием (по американской терминологии — «обнаружение — принятие решения — удар») при одновременном повышении его качества, централизованного руководства выделенными силами и средствами в режиме разведывательно-ударных (огневых) действий, а также расширения возможностей по информационному обеспечению и наведению высокоточного оружия (ВТО).

Руководствуясь полученными результатами, командование ВС США внесло существенные коррективы в способы организации и порядок поражения противника при проведении операции «Шок и трепет» по разгрому ВС Ирака и операции «Анаконда» по уничтожению баз движения «Талибан» в ДРА.

Следует подчеркнуть, что задействованные в данных операциях разнородные силы и средства были впервые на практике интегрированы в единую пространственно-распределенную разведывательно-поражающую систему! При этом орган управления разведывательно-поражающей системы (РПС), размещаемый на командном пункте оперативного объединенного формирования, обеспечивал выработку и постановку огневых задач высокоточным средствам поражения на ближайшие сутки (пусковые установки оперативно-тактических ракет, тактические истребители, самолеты ударной авиации, надводные корабли и подводные лодки с крылатыми ракетами морского базирования, стратегические бомбардировщики с крылатыми ракетами воздушного базирования).

Причем объекты поражения, количество назначаемых по ним средств воздействия и время нанесения ударов определялись непосредственно перед применением ВТО с постановкой задач в реальном масштабе времени носителям, порой базирующимся на удалении сотен и даже тысяч километров от района боевых действий, а цикл «разведка-поражение» по наиболее важным целям в масштабе ТВД составлял не более двадцати-тридцати минут. Очевидно, дополнительные комментарии по этому поводу будут излишними. Но для нас принципиально важно ориентироваться на достижение этих параметров при оценке изменений, происходящих в организации и ведении современных и перспективных операций (боевых) действий.

Таким образом, опыт локальных войн и вооруженных конфликтов в конце XX и начале XXI столетий убедительно свидетельствует, что реализация сетецентрических принципов управления, в первую очередь, должна быть направлена на коренное изменение способов и методов ведения разведывательной деятельности, создание в боевом пространстве единого информационного поля, адаптивное взаимодействие разнородных сил и средств при поражении различных объектов, значительное упрощение процедур планирования и координации огневого поражения и других видов воздействия, гибкое распределение средств воздействия в интересах различных звеньев управления, что позволяет обеспечить успешное функционирование единой разведывательно-информационно-ударной системы в ходе вооруженного противоборства.

Теоретическое обобщение зарубежного опыта и выполненных научных исследований выявило объективную потребность в функциональном объединении на сетецентрической платформе всех действий, нацеленных на достижение требуемой эффективности поражения противника, в интеграции усилий разнородных сил и средств по решаемым задачам, месту и времени для повышения эффективности совместного применения. Решение этих вопросов, по нашему мнению, возможно только путем ускоренной разработки в ВС РФ межвидовой разведывательно-поражающей системы, в первую очередь, в оперативно-стратегическом (оперативно-стратегическое командование) и оперативном (оперативное командование) звеньях управления.

Создание таких РПС, на наш взгляд, следует рассматривать как крайне необходимую материально-техническую основу для реализации новых форм военных действий, основным содержанием которых будет огневое противоборство высокоорганизованных систем ВТО (оружия на новых принципах воздействия) в целях своевременного завоевания и удержания огневого превосходства над противником, априорно благоприятных условиях — его огневого разгрома в начальной фазе военного конфликта любого масштаба.

Определенные с учетом данного вывода РПС приведены на рисунке. Можно утверждать, что РПС представляет собой совокупность сил и средств разведки, поражения и обеспечения видов и родов войск ВС, интегрированных в единый контур управления боевыми средствами (оружием) объединения (соединения), в рамках которого осуществляется их совместное боевое применение с целью поражения группировок войск и объектов противника высокоточным оружием (в перспективе — оружием на новых физических принципах) с требуемой эффективностью.

Отметим, что интеграция сил и средств видов ВС и родов войск в РПС общевойскового объединения может осуществляться как по горизонтали (в одной командной инстанции управления), так и по вертикали (между различными командными инстанциями управления), что обеспечивает при необходимости включение в состав РПС оперативно-стратегического уровня нижестоящих РПС оперативного (оперативных командований) и тактического (бригад и батальонов) звеньев.

Другими словами, РПС следует рассматривать как иерархически сложную, многоуровневую систему, функционально объединяющую на основе автоматизированного управления разнородные силы и средства разведки, поражения и обеспечения в качестве соответствующих элементов и подсистем.

В каждом звене руководства войсками (силами), от оперативно-стратегического и до тактического, РПС формируется путем организационно-технического объединения средствами информационно-управляющей подсистемы всех компонентов других функциональных подсистем и подключения к ее контуру боевого управления элементов нижестоящих РПС в интересах нанесения массированных ударов ВТО, а в перспективе и проведения высокоточных огневых сражений.

Стержневым интегрирующим компонентом РПС является подсистема автоматизированного управления оружием, совместимая на каждом уровне руководства (стратегическом, оперативно-стратегическом, оперативном и тактическом) с комплексами средств автоматизации соответствующих органов управления войсками (силами). Исследования показывают, что подсистема автоматизированного управления РПС (при условии создания единого информационного пространства на стратегическом направлении) вносит решающий вклад в решение задач поражения противника (порядка 43%) по сравнению с подсистемами высокоточного оружия (около 37%) и всестороннего обеспечения (в пределах 20%).

Подсистема разведки РПС объединения (соединения) может включать штатные и временно подчиненные (на время выполнения боевых задач) силы и средства. При этом активно используются космические системы видовой, радиотехнической, радиоэлектронной разведки, стратегические и тактические разведывательные самолеты, авиационные комплексы радиолокационного дозора и наведения, беспилотные летательные аппараты, а также широкий спектр наземных систем радиолокационной, радио-и радиотехнической разведки. Подсистема поражения РПС объединения (соединения) также может включать штатные и приданные силы и средства, что позволяет гибко реагировать на изменения оперативной (боевой) обстановки.

В качестве средств поражения РПС оперативного звена могут привлекаться самолеты бомбардировочной и истребительно-бомбардировочной авиации с управляемым и неуправляемым оружием, вертолеты армейской авиации, силы и средства ПВО, оперативно-тактические и тактические ракетные комплексы с управляемыми ракетами, дальнобойные реактивные системы залпового огня (РСЗО), силы и средства радиоэлектронной борьбы (РЭБ). В состав средств поражения РПС тактического звена могут входить самолеты штурмовой авиации, вертолеты армейской авиации, тактические ракетные комплексы, РСЗО, артиллерийские комплексы, применяющие высокоточные боеприпасы (ВТБ), силы и средства войсковой ПВО и РЭБ.

Наиболее важное значение среди обеспечивающих компонентов РПС для сил и средств видов ВС и родов войск имеют подсистемы навигационно-временного обеспечения и связи, которые должны базироваться на использовании спутников ГЛОНАС, других спутников связи и ретрансляции.

При этом силы и средства разведки РПС должны обеспечить: ведение практически непрерывной радиолокационной, радио-и радиотехнической и видовой разведки целей на стратегическом (операционном) направлении; своевременное представление в орган управления РПС достоверных, точных и полных разведывательных данных об объектах противника с учетом условий применения ВТО видов ВС (родов войск); всепогодность решения поставленных задач; соответствие возможностей

по разведке объектов противника в зоне ответственности общевойскового формирования огневым возможностям РПС.

Что касается сил и средств поражения, то они должны быть способны осуществлять огневое (радиоэлектронное) воздействие на всю глубину зоны ответственности объединения (соединения); функционировать с высокой огневой производительностью, применяя как высокоточные, так и некоторые обычные боеприпасы; в короткие сроки проводить мероприятия по подготовке к нанесению ударов и ведению огня, совершать противоогневой маневр; гарантированно, с высокой точностью и с требуемой степенью поражать широкий спектр объектов противника в составе его группировки войск (сил).

В свою очередь от сил и средств управления требуется осуществлять интегрированное управление силами и средствами разведки всех видов ВС (родов войск), ведущейся в интересах огневого поражения противника (ОПП), силами и средствами поражения объединения (соединения); реализовать в автоматизированном режиме сбор, обработку, отображение и документирование информации об оперативно-стратегической (оперативно-тактической) обстановке; осуществлять распределенный доступ и оперативный обмен информацией по защищенным каналам связи между органами управления различных РПС; обеспечить максимальную автоматизацию процессов подготовки, нанесения и контроля результатов ударов разнородными средствами поражения; обеспечить интеллектуальную поддержку принятия решений на применение оружия.

Важная роль отводится силам и средствам обеспечения, которые должны реализовать сопряжение информационных каналов обмена данными в интересах применения средств поражения видов ВС (родов войск); формирование единой картины оперативно-стратегической (оперативно-тактической) обстановки; надежное противодействие системам разведки и наведения оружия противника средствами пассивной и активной защиты; повышение степени защищенности сил и средств РПС от поражающих факторов обычных и высокоточных боеприпасов на основе применения различных средств и способов защиты.

Можно утверждать, что создание РПС позволяет: производить всестороннюю оценку группировок войск (сил) и объектов противника по степени важности и осуществлять их поражение по принципам «разведка-удар-маневр» и «выстрелил — забыл»; максимально реализовать боевые возможности объединений (соединений) в интересах гарантированного поражения критически важных элементов оперативного (боевого) построения противника; поддерживать тесное взаимодействие сил и средств разведки, поражения и обеспечения, широкий маневр ими в пределах зон ответственности общевойсковых командных инстанций; гибко использовать различные формы и способы боевого применения ударных комплексов в интересах эффективного решения задач и минимизации побочных эффектов; не допускать дублирования в применении сил и средств, перерасхода выделенного ресурса при выполнении всех поставленных боевых задач.

Исходя из современных взглядов на создание и применение разведывательно-поражающих систем в военных конфликтах, можно сделать следующие выводы:

Во-первых, в ходе реформирования ВС РФ в условиях, когда цели военных действий будут достигаться преимущественно дистанционным воздействием на противника, процесс реформирования становится строительством качественно новых формирований, обладающих основными свойствами разведывательно-поражающей системы для решения широкого спектра задач преимущественно в форме неконтактных действий. Разработка разведывательно-поражающих систем позволит обеспечить единое управление оружием на всех уровнях руководства войсками (си-

лами), что способствует значительному повышению быстродействия всей системы управления.

Во-вторых, основу создаваемых РПС составляет автоматизированная подсистема управления боевыми средствами (поражения и всестороннего обеспечения), объединяющая их сетевыми связями и обеспечивающая согласованное функционирование всех элементов в реальном масштабе времени. В обозримой перспективе приоритет в создании образцов ВВТ должен отдаваться развитию существующих и разработке нового поколения автоматизированных систем управления боевыми средствами объединений (соединений) и программных средств, реализующих алгоритмы обработки, анализа информации и поддержки принимаемых решений при минимальном участии должностных лиц органов управления войсками (силами).

Обобщая вышеизложенное, можно констатировать, что качественный скачок в развитии средств поражения, разведки, РЭБ, автоматизации управления, достигнутый в последние десятилетия, привел к изменению многих устоявшихся положений отечественного военного искусства, формированию новых взглядов на реализацию сетевых концепций путем создания и применения РПС.

Не секрет, что нынешнее состояние технологической базы нашего военно-промышленного комплекса пока не позволяет вывести разработку РПС на одинаковый уровень с ВС США и окончательно утвердиться основам его применения в теории и практике ведения современных и перспективных операций. Не вызывает сомнения одно — эта задача должна быть приоритетом военно-технической политики государства. При формировании государственного оборонного заказа следует учитывать, что в современных и перспективных операциях создаваемое вооружение должно применяться в едином разведывательно-информационном пространстве, иметь «интеллектуальные» компоненты и сопрягаться с элементами существующих и разрабатываемых автоматизированных систем управления, быть максимально унифицированным в части обеспечения и обслуживания с другими образцами ВВТ, иметь межвидовое (межродовое) предназначение.

Уже сегодня требуется определять задачи, облик, методы создания и эксплуатации межвидовых РПС с функциями стратегического сдерживания, воздушно-космической и противоракетной обороны, вносить соответствующие коррективы в перспективные планы совершенствования вооружений, развития системы управления и ее технической основы, организационной структуры войск (сил), систем оперативного, тылового и технического обеспечения операций. Только так мы сможем противостоять потенциальным противникам в военных конфликтах любого масштаба, ведущихся с применением высокотехнологичных образцов ВВТ.

В заключение следует отметить, что исследование направлений повышения эффективности управления войсками (силами) и оружием только разворачивается. Ведется поиск новых подходов к осуществлению комплексного поражения противника, организации управления войсками и оружием, взаимодействия и обеспечения. Сегодня созданы все необходимые и достаточные предпосылки (научно-методические и технологические решения) для успешной реализации существующего научно-технического задела в области развития средств автоматизированного управления, а также перевода имеющихся разработок с уровня концептуально-теоретического осмысления проблемы в стадию промышленной разработки межвидовых разведывательно-поражающих систем и комплексов.

Анализ исторического опыта и современных взглядов на организацию и ведение территориальной обороны страны, роль и место внутренних войск МВД России в достижении ее целей

*Полковник И.Л. КАРДАШ,
кандидат военных наук*

АННОТАЦИЯ. Рассматриваются существующие противоречия в развитии теории территориальной обороны, а также предлагаются меры по преодолению имеющихся проблем в ее организации и ведении, рассматривая территориальную оборону как элемент системы общегосударственных мер по обеспечению национальной безопасности страны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: внутривнутриполитическая обстановка, территориальная оборона, государственное и военное управление, охрана и оборона, специальные действия, диверсионно-разведывательные действия.

SUMMARY. The existing contradictions in the theory of territorial defence are considered, and measures to overcome the existing problems in its organisation and conduct, considering the territorial defence as an element of the system-wide measures to ensure national security are proposed.

KEYWORDS (TAGS): domestic-policy situation, territorial defence, government and military control, security and defence, special actions, sabotage-and-reconnaissance activities.

ВОЕННЫЕ конфликты последних десятилетий с участием вооруженных сил НАТО наглядно свидетельствуют о серьезных изменениях в их стратегии и тактике, суть которых состоит в стремлении в начальном периоде развития конфликта нарушить важнейшие элементы государственной и военной инфраструктуры противника. При этом непосредственному началу боевых действий, как правило, предшествуют особые периоды информационно-психологического противоборства и активизации диверсионно-разведывательной деятельности с целью формирования негативного мирового общественного мнения в отношении государства-противника, осуществления его политической и экономической изоляции с привлечением ресурса международных институтов и обоснования в конечном итоге легитимности применения против него военной силы.

Все эти действия направлены на создание необходимой базы для достижения целей начального периода войны, среди которых — дестабилизация внутривнутриполитической обстановки, дезинтеграция системы государственного и военного управления, разрушение экономического потенциала противостоящей стороны. В этой связи существенно возрастает роль сил специальных операций, которые применяются не только для ведения диверсионно-разведывательных действий, но и для оказания помощи оппозиционным силам в организации вооруженного сопротивления, различного рода мятежей, партизанских движений и т. п. Главная цель их применения заключается в создании в глубоком тылу противника постоянно действующего активного фронта борьбы, что вынуждает его расплывать свои усилия по многим направлениям. Применение военной силы на территории Югославии, Афганистана, Ирака свидетельствует о том, что подобный подход уже не является только теорией.

В этих условиях особое значение приобретает эффективная организация и выполнение задач территориальной обороны, которая имеет критическое значение не только для достижения целей защиты населения и объектов, но и для безопасности государства в целом, а недооценка ее значимости может привести к срыву стратегического развертывания и полной потере тыла и военного производства.

Термин «территориальная оборона» вошел в военно-политический лексикон сравнительно недавно — в конце 70-х годов прошлого столетия (в Советской военной энциклопедии 1980 года издания этот термин еще не рассматривался). Однако, обозначаемое им понятие известно давно и вопросы, так или иначе связанные с территориальной обороной, затрагивались значительно раньше в отечественной и зарубежной военной теории и практике.

В Отечественной войне 1812 года и в годы Крымской войны можно увидеть элементы охраны войскового тыла и гарнизонной службы, развившиеся впоследствии в годы Первой мировой и особенно Великой Отечественной войн.

В годы, предшествовавшие Первой мировой войне, ряд отечественных и зарубежных военных теоретиков под территориальной обороной понимали противодействие малым отрядам противника, наносящим вред нападениями с флангов и тыла, набегами, захватом транспортов, засадами, а также прикрытием транспортов, границ, этапов, железных дорог и рейдов от внезапных нападений, засад и разрушений. К этой сфере относили все операции, которые велись высокообученными, хорошо вооруженными, организованными и дисциплинированными войсками против иррегулярных масс.

Необходимо отметить, что особенностью решаемых задач поставили вопрос о создании специальных сил для их выполнения. В качестве таких сил в 1919 году в составе Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) были созданы войска внутренней охраны республики (ВОХР) в количестве 120 тысяч человек. Основными задачами войск ВОХР были: охрана существующего строя (вооруженная борьба с контрреволюционными выступлениями, охрана государственных учреждений и сооружений особой важности); охрана и оборона путей сообщения (транспорта и перевозимых грузов); охрана производства (фабрик, заводов, сырья, сельхозпродуктов, взятых на учет государством, и др.). Войска широко использовались для охраны тыла фронтов, обеспечения порядка в прифронтовых районах, в борьбе с бандитизмом, а также выделялись непосредственно в действующую армию. Например, во втором полугодии 1919 года было передано фронтам более 50 тысяч человек. (52 % войск).

Серьезная работа по теоретической разработке вопросов территориальной обороны проводилась в межвоенный период. Опыт Первой мировой войны интенсивно и всесторонне изучался и анализировался: на государственном уровне в закрытом порядке теоретические вопросы реализовывались в практические действия.

Благодаря заранее разработанным, тщательно продуманным в свое время и проведенным в жизнь подготовительным мероприятиям стало возможным с первых дней Великой Отечественной войны ввести в действие эффективную систему охраны войскового тыла фронтов.

В годы Великой Отечественной войны приоритетной задачей территориальной обороны стала охрана тыла действующей армии, что нашло свое отражение в принятом 25 июня 1941 года Советом Народных Комиссаров СССР постановлении о возложении задачи охраны тыла действующей Красной Армии на НКВД. 26 июня 1941 года заместителем Наркома внутренних дел было отдано приказание, согласно которому все войска НКВД (пограничные, оперативные, по охране особо важных предприятий промышленности, железнодорожных сооружений, конвойные), оказавшиеся в зоне боевых действий, привлекались к охране тыла действующей армии.

Задачами войск по охране тыла были: обеспечение охраны тыла от подрывных действий противника, решительное уничтожение шпионов, дивер-

сантов и парашютистов, ведение беспощадной борьбы с дезертирами, паникерами, распространителями провокационных слухов. Конкретные задачи для войск указывались в приказах НКВД, а также в решениях командования и военных советов фронтов, в оперативном подчинении которых они находились.

В начале 1942 года были разработаны Положение о войсках НКВД, охранявших тыл действующей Красной Армии и Инструкция по службе войск НКВД по охране тыла фронтов. Этими документами войска охраны тыла руководствовались до конца войны.

Представляется интересной система построения территориальной обороны того времени, когда в каждой области, входящей в состав военного округа, создавалась боевая группа. Территория области, в свою очередь, разбивалась на боевые участки. Во главе каждого из них назначался начальник, который отвечал за организацию борьбы с группами противника, действующими в границах его участка. Начальнику боевого участка на время выполнения задач по уничтожению групп противника подчинялись все части Красной Армии и НКВД, а также вооруженные отряды, расположенные на его территории.

Начальники боевых участков и групп имели постоянную связь с местными органами государственной власти, частями НКВД, милицией, начальниками соседних боевых групп и участков. Командующий войсками военного округа лично и через штаб осуществлял регулярный контроль за готовностью боевых групп и участков к выполнению возложенных на них задач.

Для борьбы с группами противника, действующими в тылу, привлекались также батальоны народного ополчения, истребительные отряды, команды ОСОАВИАХИМа (рис. 1).

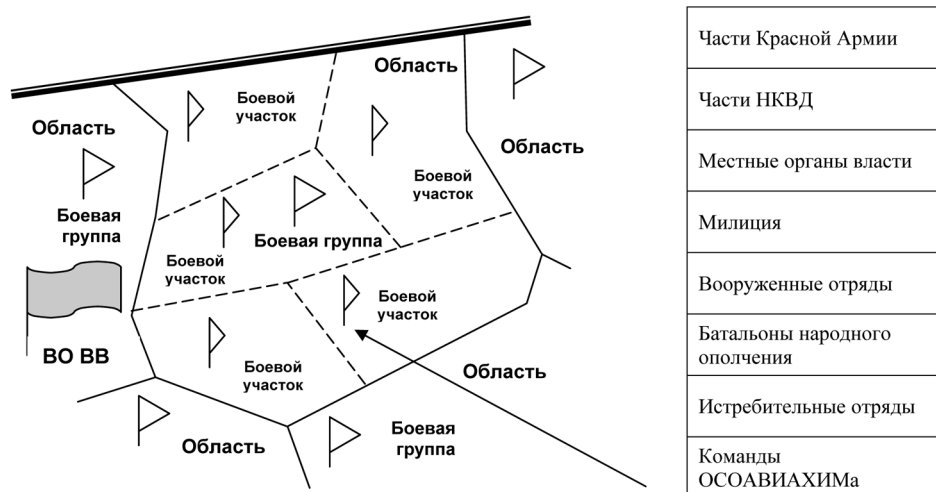

Рис. 1. Построение территориальной обороны (по опыту Великой Отечественной войны)

Охрана объектов, расположенных на территории военных округов, осуществлялась войсковыми подразделениями, полками НКВД, вооруженными рабочими отрядами. Каждому из таких подразделений назначались определенные объекты, за сохранность которых они несли ответственность.

В послевоенное время теория и практика территориальной обороны нашли развитие в ряде учений и военно-научных трудах, основные положения которых были реализованы в проекте «Наставления по территориальной обороне», изданном в 1989 году.

Современные взгляды на организацию и ведение территориальной обороны реализованы в ряде документов, которые составляют ее нормативно-теоретическую основу. И хотя единого документа, рассматривающего в прямой постановке концептуальные положения по вопросам территориальной обороны и носящего соответствующее название «*Концепция территориальной обороны*», не существует, это не означает, что нет и самой концепции территориальной обороны. Вопросы, в той или иной степени затрагивающие концептуальные положения территориальной обороны, находят свое выражение в различных законодательных документах и других нормативных актах.

Главным и основополагающим из них является разработанная на основе Конституции РФ и утвержденная Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 года № 1300 «*Концепция национальной безопасности РФ*», представляющая собой систему взглядов на обеспечение в РФ безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз во всех сферах жизнедеятельности и определяющая роль и место России в мировом сообществе, национальные интересы России, угрозы национальной безопасности РФ, а также основные задачи обеспечения национальной безопасности РФ.

Важнейшими составляющими национальных интересов России являются защита личности, общества и государства от терроризма, в том числе международного, от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и их последствий, а в военное время — от опасностей, возникающих при ведении военных действий или вследствие этих действий.

Здесь же отмечено, что состояние отечественной экономики, несовершенство системы организации государственной власти и гражданского общества, социально-политическая поляризация российского общества и криминализация общественных отношений, рост организованной преступности и увеличение масштабов терроризма, обострение международных и осложнение международных отношений создают широкий спектр внутренних и внешних угроз национальной безопасности страны в различных сферах: социальной, экономической, международной, пограничной, информационной, военной. Некоторые из названных угроз напрямую сопряжены с решением вопросов территориальной обороны страны.

На основе «*Концепции национальной безопасности РФ*» разработана и утверждена Указом Президента РФ от 21 апреля 2000 года Военная доктрина РФ, представляющая собой совокупность официальных взглядов, определяющих военно-политические, военно-стратегические и военно-экономические основы обеспечения военной безопасности РФ.

В Военной доктрине развиваются и конкретизируются применительно к военной сфере установки «*Концепции национальной безопасности РФ*», в том числе и касающиеся территориальной обороны. В первом разделе доктрины (Военно-политические основы) определены основные угрозы военной безопасности РФ (в том числе и внутренние); в перечне основного содержания обеспечения военной безопасности определены такие мероприятия, как подготовка к территориальной и гражданской обороне в мирное время, организация и осуществление мероприятий территориальной и гражданской обороны в военное время; большая часть основных общих черт современной войны, изложенных в разделе военно-стратегических основ доктрины, также непосредственно связана с вопросами территориальной обороны.

Таким образом, вопросы территориальной обороны так или иначе находят свое отражение в основополагающих руководящих документах государства.

На фундаменте «*Концепции национальной безопасности*» и Воен-

ной доктрины разработан ряд нормативных актов федерального уровня: Федеральные конституционные законы РФ «О чрезвычайном положении», «О военном положении», Федеральные законы РФ «Об обороне», «О внутренних войсках МВД РФ», указы Президента РФ, постановления Правительства РФ.

На основе упомянутых выше нормативных актов разработаны различные ведомственные руководящие документы, которые в той или иной степени отражают вопросы применения сил и средств в условиях территориальной обороны.

Анализ нормативно-теоретической базы позволяет сделать вывод о том, что основной упор в достижении цели территориальной обороны делается на вооруженную борьбу в той или иной форме. Исторический же опыт свидетельствует, что такой подход не является единственно верным. В этой связи весьма актуальным является опыт создания и развития гражданской обороны РФ, которая прошла путь от местной противовоздушной обороны (МПВО), решавшей локальные задачи защиты населения и объектов от конкретного противника, к системе общегосударственных мероприятий, позволяющих обеспечить комплексную защиту населения и территорий от опасностей, возникающих в результате чрезвычайных ситуаций мирного времени, а также в ходе военных действий или вследствие этих действий.

Современные подходы к организации применения различных сил и средств в территориальной обороне, к определению их места и роли в достижении общих целей, к выбору наиболее целесообразных форм применения и способов действий при выполнении конкретных задач остаются в плену старых шаблонов. Необходимо признать, что сегодняшние взгляды, закрепленные в руководящих документах, в том числе и последних, не отвечают характеру войн и вооруженных конфликтов будущего. К сожалению, они по-прежнему ориентированы не на упреждающие, а на ответные действия по отношению к условиям, в которых угроза национальной безопасности государства становится реальной. Тем самым не реализуется одна из важнейших функций науки — прогностическая.

Проведенные исследования позволили выделить ряд проблемных вопросов, которые не позволяют выполнять задачи территориальной обороны с необходимой эффективностью. Рассмотрим важнейшие из них.

Неопределенность задач территориальной обороны, а также законодательно установленной ответственности за их выполнение.

В соответствии с руководящими документами, территориальная оборона организуется и осуществляется в целях защиты населения, объектов и коммуникаций на территории Российской Федерации от воздействия противника, диверсионных и террористических актов, а также создания благоприятных условий для функционирования органов государственного и военного управления, предприятий, коммуникаций и жизнедеятельности населения.

Уже из определения видно, что *территориальная оборона — это комплекс мероприятий общегосударственного характера*, которые не могут быть осуществлены в рамках одного или нескольких ведомств.

Вместе с тем, за планирование и осуществление территориальной обороны в границах военных округов, организацию и поддержание взаимодействия всех сил, в том числе и от других федеральных органов исполнительной власти, участвующих в территориальной обороне, охрану и оборону важных военных объектов в военное время в полосах ответственности действующих фронтов отвечает Министерство обороны Российской Федерации. В борьбе же с диверсионно-разведывательными, террористическими силами и десантами противника, в обеспечении установления и поддержания режима военного положения Министерство обороны только принимает участие (схема).

При этом необходимо учитывать и тот факт, что, рассматривая войну как результат эскалации вооруженного конфликта, прежде всего внутреннего, противник будет стремиться создать все условия для развязывания такого конфликта, применяя весь арсенал мер: от информационно-пропагандистских с привлечением различных международных организаций до действий сил специальных операций. В любом случае, как показывает современный опыт, он будет оказывать самое активное влияние на развитие обстановки в своих интересах.

Именно в этих условиях государство, как показал вооруженный конфликт в Чеченской республике, сталкивается с необходимостью в мирное время фактически приводить в действие систему территориальной обороны и испытывать ее в режиме реального функционирования. Ведь в числе прочих здесь имеют место действия и по охране важных военных и государственных объектов, и по установлению и поддержанию режима чрезвычайного положения, и по борьбе с незаконными вооруженными формированиями и террористическими силами противника. Следовательно, есть все основания расширить спектр задач территориальной обороны за счет отнесения к ним комплекса мероприятий по пресечению (предупреждению) внутренних вооруженных конфликтов.

Если же говорить о классических задачах территориальной обороны, а к ним относятся: охрана и оборона важных военных, государственных объектов и объектов на коммуникациях, борьба с диверсионно-разведывательными, террористическими силами и десантами противника, обеспечение установления и поддержания режима военного положения на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях, — которые дополнены задачей по установлению и поддержанию режима чрезвычайного положения, то часть из них внутреннее войска выполняют уже в мирное время.

Несоответствие предназначения сил и средств, участвующих в территориальной обороне, стоящим задачам.

Подход к созданию группировки сил и средств, их подготовке к предстоящим действиям, определению роли и места различных формирований в достижении общих целей не отвечает существующим возможностям войск (сил) и не может обеспечить адекватного и оперативного ответа на возникающие угрозы.

Хотя законодательством Российской Федерации предусмотрено участие Вооруженных Сил (ВС) в территориальной обороне, очевидно, что их основные усилия будут сосредоточены в другой сфере. Решающая же роль в выполнении задач территориальной обороны будет принадлежать именно внутренним войскам во взаимодействии с органами и подразделениями МВД России, а также при участии других сил, формирований и органов. Привлекать соединения и воинские части ВС РФ необходимо только в исключительных случаях.

Такое распределение ролей обусловлено, прежде всего, целями и задачами территориальной обороны, определенными нормативными актами и другими руководящими документами, в соответствии с которым она организуется и осуществляется в целях защиты объектов и коммуникаций на территории Российской Федерации от действий противника, диверсионных и террористических актов, установления и поддержания режима чрезвычайного положения, а также создание благоприятных условий для функционирования органов государственного и военного управления, предприятий, коммуникаций и жизнедеятельности населения. Эти цели созвучны предназначению и задачам именно внутренних войск, определенным Законом РФ «О внутренних войсках МВД Российской Федерации». Особенно ярко это проявляется в сравнении с предназначением Сухопутных войск (рис. 2).

<p><u>Сухопутные войска</u> <u>ВС РФ</u> Предназначены для прикрытия сухопутной части государственной границы, отражения агрессии противника на континентальных театрах военных действий, удержания занимаемых районов, рубежей и позиций, разгрома вторгшихся группировок войск и овладения территорией противника во взаимодействии с другими видами и родами войск Вооруженных Сил</p>	<p><u>ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ</u> <u>ОБОРОНА</u> Цель защита населения, объектов и коммуникаций на территории Российской Федерации от действий противника, диверсионных и террористических актов, а также создания благоприятных условий для функционирования органов государственного и военного управления, предприятий, коммуникаций и жизнедеятельности населения Задачи охрана и оборона важных военных, государственных объектов и объектов на коммуникациях; борьба с диверсионно-разведывательными, террористическими силами и десантами противника; обеспечение введения и поддержания режимов чрезвычайного и военного положения на территории РФ или в отдельных ее местностях</p>	<p><u>Внутренние войска</u> <u>МВД России</u> Предназначены для обеспечения безопасности личности, общества и государства, защиты прав и свобод человека и гражданина от преступных и иных противоправных посягательств Задачи участие совместно с органами внутренних дел РФ в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности и режима чрезвычайного положения; охрана важных государственных объектов и специальных грузов; участие в территориальной обороне Российской Федерации; оказание содействия пограничным органам ФСБ РФ в охране Государственной границы РФ. Иные задачи могут быть возложены на внутренние войска федеральными законами</p>
--	---	--

Рис. 2. Анализ соотношения целей и задач территориальной обороны с назначением и задачами различных войск

Другими словами, само содержание территориальной обороны по сути своей — правоохранительная задача в более сложной и расширенной форме.

Несоответствие состава и подготовки сил и средств территориальной обороны объему и характеру стоящих задач.

Отдавая должное возрастающему роли собственно военно-технических аспектов, а также информационной составляющей вооруженной борьбы, нельзя не признать, что единственным средством, способным удерживать и контролировать свою территорию или овладеть территорией противника, являются Сухопутные войска. Анализ опыта войн и вооруженных конфликтов последних десятилетий показал, что, каков бы ни был технологический уровень развития воюющих сторон и их вооруженных сил, успех в конечном счете достигался действиями сухопутных группировок войск. Эта тенденция сохраняется на сегодняшний день и, очевидно, будет продолжена в будущем. При этом основной задачей Вооруженных Сил в целом и Сухопутных войск в частности будет отражение агрессии и достижение поставленных военно-политических и военно-стратегических целей.

Именно поэтому в период нарастания угрозы агрессии проблемным и неоправданным является «распыление» соединений и воинских частей постоянной готовности ВС РФ по различным объединенным группировкам войск (сил), в том числе и территориальной обороны, для проведения специальных и контртеррористических операций.

Положение обостряется еще и тем, что весь объем задач, возложенных на военные округа, не позволяет решать крайне ограниченная численность сил и средств для ведения территориальной обороны.

В Вооруженных Силах РФ (особенно до завершения мобилизационного развертывания) нет подготовленных войск, предназначенных для выполнения задач территориальной обороны в полном объеме, а те части и подразделения, которые предназначены для выполнения этих задач, формируются по остаточному принципу (из остатков мобресурсов) и в последнюю очередь.

В других силовых министерствах и ведомствах на сегодняшний день также нет войск, сил и иных структур, специально созданных и подго-

товленных для решения задач территориальной обороны. Силы и средства для этой цели выделяются по мере необходимости от соединений, частей и учреждений Вооруженных Сил, МВД, ФСБ, пограничных органов ФСБ, МЧС, а также от других министерств и ведомств.

В составе вооруженных сил развитых стран Запада уже давно созданы и существуют так называемые территориальные войска (в той или иной форме организации). Этот зарубежный опыт организации и ведения территориальной обороны необходимо всесторонне проанализировать, оценить возможность его применения в своих интересах.

Несоответствие требованиям времени принципиального подхода к организации территориальной обороны.

Исследования показывают, что существующие взгляды и некоторые положения руководящих документов в этой области необходимо пересматривать. Территориальный принцип (в том понимании, каком он изложен в руководящих документах) уже не отвечает современным и будущим требованиям к подготовке и ведению территориальной обороны. Существующий принцип должен быть наполнен новым содержанием.

Решение проблемного вопроса видится в следующем: зоны территориальной обороны могут создаваться не по административно-территориальному принципу, а на функционально-войсковой основе. В зонах предполагается создавать совместные оперативные штабы, в состав которых включать представителей всех силовых структур и органов местного самоуправления. Начальниками зон назначать старших оперативных групп от региональных командований внутренних войск.

Зоны могут быть разделены на районы или сектора территориальной обороны, руководителем территориальной обороны в которых может быть назначен командир соединения (воинской части) в зависимости от обстановки. Причем наиболее целесообразным представляется вариант, связанный именно с внутренними войсками как территориальными формированиями.

Нельзя сказать, что проблемным вопросам, связанным с территориальной обороной, военной наукой не уделяется должное внимание. О том, какое значение придается исследованию различных аспектов ее организации и функционирования, говорит уже то, что в последние годы они находятся в центре внимания как в теоретическом плане (военно-научные конференции, научные семинары), так и в практическом (командно-штабные, тактические учения, другие мероприятия оперативной и боевой подготовки).

Вместе с тем, со времени провозглашения Российской Федерации как суверенного государства по существу не было создано ни одной базовой теоретической разработки в области территориальной обороны. Наставление по территориальной обороне времен Советского Союза утратило свою силу и упразднено, а разработанные позже нормативные документы не предлагают принципиально новых решений существующих проблем.

Таким образом, назрела необходимость пересмотра, доработки и корректирования отдельных положений отечественной теории территориальной обороны и приведения ее в соответствие с требованиями сегодняшнего дня.

Один из ключевых вопросов в этой теории, который непосредственным образом влияет на достижение цели территориальной обороны — определение роли и места различных компонентов, составляющих силы территориальной обороны. Ряд проведенных научных исследований, а также результаты анализа опыта практического применения войск при выполнении задач, аналогичных задачам территориальной обороны, наряду с результатами боевой и оперативной подготовки, свидетельствуют о том, что пришло время и созданы все предпосылки для того, чтобы

вести речь о ведущей роли внутренних войск в силовой составляющей решения задач территориальной обороны. Это ни в коей мере не умаляет роли Сухопутных войск в деле защиты страны, приоритетной задачей которых будет отражение агрессии и достижение поставленных военно-политических и военно-стратегических целей.

Реальность такова, что уже сегодня в военной организации государства имеется структура для решения задач территориальной обороны. Это внутренние войска МВД России, которые в мирное время являются войсками постоянной готовности, объединены соответствующей системой управления, имеют подготовленные кадры и действуют в тесном взаимодействии с органами внутренних дел, Вооруженными Силами и другими силовыми ведомствами.

При этом переход к выполнению задач территориальной обороны будет осуществляться не внезапно, а постепенно — в составе уже созданной группировки сил и средств со своей системой управления, взаимодействия, обеспечения.

Своевременное принятие адекватных мер по нормализации обстановки в рамках режима чрезвычайного положения (при наличии на то оснований, определенных федеральным законодательством) и выполнения задач по его поддержанию (в последующем — при обеспечении установления и поддержания режима военного положения) должно привести к предупреждению вооруженного конфликта и недопущению эскалации его в крупномасштабную войну.

Важнейшие тенденции изменения содержания и характера вооруженной борьбы в будущем наряду с развитием теории требуют совершенствования форм применения и способов действий различных войск (сил) при выполнении задач территориальной обороны с целью обеспечения соответствия ее новым требованиям.

В наибольшей степени этим требованиям отвечает такая форма применения войск, как **специальные действия**. Современная военная наука достаточно широко освещает сущность этой формы. Именно к ней относятся разведывательно-поисковые, разведывательно-ударные, рейдовые действия, которые уже достаточно широко применяются войсками в ходе выполнения служебно-боевых и боевых задач.

При этом значение других, традиционных форм применения не снижается. Необходимость упреждения противника в действиях требует наполнить их новым содержанием, обеспечивающим адекватное реагирование на существующие и возникающие угрозы.

В статье рассмотрены только некоторые аспекты организации и ведения территориальной обороны, применения различных войск (сил) для выполнения ее задач. Приходится признать, что существующие подходы к их применению не в полной мере соответствуют тенденциям развития характера вооруженной борьбы. Достаточно сказать, что, в соответствии с Временным наставлением по территориальной обороне, до получения соответствующего сигнала соединения и воинские части, предназначенные для действий в составе второго эшелона и резерва (а это борьба с диверсионно-разведывательными, террористическими силами и десантами противника) занимаются повседневной служебно-боевой деятельностью. В этом случае об упреждении противника в действиях речь уже не идет, что может привести к весьма серьезным последствиям. Поэтому роль внутренних войск как структуры, на основе которой должна формироваться и функционировать система территориальной обороны, становится все более очевидной. Конечно, этот вопрос должен стать предметом более глубокого исследования, но некоторые тенденции и логичные подходы видны уже сегодня.

О моделировании мероприятий военно-социальной политики

*Полковник А.А. ВЕНЕДИКТОВ,
кандидат экономических наук*

АННОТАЦИЯ. Рассматриваются существующие проблемы в системе социального обеспечения военнослужащих ВС РФ и членов их семей и предлагаются некоторые варианты по совершенствованию государственной военно-социальной политики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социальное обеспечение, военнослужащие и члены их семей, льготы и гарантии, правовые нормы, военно-социальная политика.

SUMMARY. The article considers the existing problems in the social security system of military men of the Armed Forces and their families, and suggests some options for improving the state of military-social policy.

KEYWORDS (TAGS): social security, the military and their families, incentives and guarantees, the rule of law, military-social policy.

Венедиктов Андрей Альбертович родился 3 января 1967 года в городе Орле. В 1988 году окончил факультет вычислительной математики и кибернетики МГУ им. М.В. Ломоносова, в 1996 году — Военную академию бронетанковых войск, в 2005 году — Российскую академию государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Проходил службу в высших военных учебных заведениях (последняя должность — начальник учебного отдела Военного финансовоэкономического университета), Главном управлении военного бюджета и финансирования Минобороны России, Счетной палате Российской Федерации (последняя должность — заместитель начальника отдела информационного обеспечения).

В настоящее время является докторантом Общевоинской академии Вооруженных Сил Российской Федерации. Кандидат экономических наук, доцент.

СОДЕРЖАНИЕ принятых в последнее время программных документов в сфере военносociальной политики, заявления высшего политического руководства страны свидетельствуют о том, что в данной области государство отходит от практики введения многочисленных льгот, не обеспеченных реальным финансированием, сокращая избыточные социальные обязательства¹. Аморфные «улучшения» и «совершенствования» все чаще заменяются в документах конкретными задачами.

Нет сомнений, что система социального обеспечения военнослужащих нуждается в оптимизации, для чего необходимо, прежде всего, всесторонне проанализировать существующие обязательства государства в этой сфере, их фактическую исполняемость, целесообразность сохранения либо модификации. Комплексный учет всех форм социального обеспечения военнослужащих необходим для формирования у государства и общества объективного представления об уровне жизни людей в погонах и оптимизации перечня и содержания соответствующих мероприятий. Вместе с тем такие всесторонние исследования пока не проводились.

Отсутствует даже общепринятая классификация форм социального обеспечения. Отчасти это обусловлено тем, что в настоящее время система социаль-

¹ Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 8 июля 2000 г. «Какую Россию мы строим» // Российская газета, 2000. 11 июля.

ного обеспечения военнослужащих и членов их семей имеет сложную структуру, которая с трудом укладывается в рамки традиционных ее классификаций (например, по видам обеспечения: денежное довольствие, продовольственное, вещевое обеспечение и др.). Многочисленные льготы и гарантии неcodифицированы. Правовые нормы, регулирующие общественные отношения в сфере военносocиальной политики, расплывлены по многим нормативным правовым актам. Последние нередко характеризуются противоречивостью, неполнотой, отсутствием единого терминологического аппарата, значительным удельным весом отсылочных норм².

Отсутствие общепризнанной классификации некой предметной области нередко свидетельствует о том, что комплексный анализ последней, а тем более оптимизация, основанная на программноцелевых принципах, не производились. Очевидно, что прежде чем совершенствовать систему социального обеспечения военнослужащих, следует скрупулезно разобраться в том, какие мероприятия она включает в себя в настоящее время. Их объективная, научно обоснованная классификация должна стать первым и необходимым шагом в создании модели мероприятий военносocиальной политики и ее последующей оптимизации.

Ряд авторов предлагают собственные подходы к группировке видов деятельности в сфере военносocиальной политики, например, по функциональному признаку либо отталкиваясь от социальозащитной функции социального обеспечения. Однако недостатком многих из них является неполное соответствие, по крайней мере, двум основополагающим требованиям, предъявляемым к любой научной классификации. Во-первых, множества объектов, соответствующих каждому из выделяемых классов, не должны пересекаться (условно назовем его принципом непротиворечивости). Во-вторых, объединение упомянутых множеств должно быть тождественно всему классифицируемому множеству объектов (назовем это условие принципом полноты).

Ряд имеющихся классификаций грешат против обоих названных принципов, что мешает использованию их при моделировании военносocиальной политики. Например, в состав мероприятий социального обеспечения военнослужащих не включаются отдельные виды социальной поддержки членов их семей, которые обусловлены нахождением в родственных либо супружеских отношениях с лицами, состоящими на военной службе³. Не всегда в полной мере учитываются такие формы социального обеспечения как удовлетворение потребности человека в получении образования, служебном и профессиональном росте, обеспечении государственной защиты прав и свобод и ряд других. Отступление от принципа непротиворечивости иногда проявляется в том, что отдельные классы выделяются по различным основаниям, что зачастую влечет их пересечение (одно и то же мероприятие социального обеспечения относится сразу к нескольким классам).

Автором был предложен подход⁴ к классификации мероприятий социального обеспечения военнослужащих и членов их семей, основанный на традиционном для юридической науки отраслевом делении права. Меры социальной поддержки были сгруппированы по категориям прав в социальной сфере. Общепринятая группировка соответствующих мероприятий отражена, в частности, во Всеобщей декларации прав человека, в Конституции РФ. К таковым относятся права на охрану здоровья, на жилище, на образование, на труд, на социальное обеспечение в старости и в случае утраты трудоспособности и др.

Вместе с тем некоторые особенности военной службы обуславливают ряд специфических групп мероприятий социального обеспечения. К таким особенностям для военнослужащих и членов их семей можно отнести, например, повышенный риск гибели (потери кормильца), возможность многократных вынужденных перемен места жительства, невозможность получать содержание от своего мужа (отца) при прохождении последним военной службы по призыву.

² Корякин В.М. Военно-социальная политика Российской Федерации: проблемы правового регулирования. М. 2003.

³ Венедиктов А.А. О классификации мероприятий социального обеспечения военнослужащих и членов их семей // Вооружение и экономика. № 1. 2008.

⁴ Там же.

Представляется, что наряду с указанным подходом имеет право на существование и обратный вариант, когда классификация производится не на основе выделения групп общественных отношений в той или иной сфере, а путем группировки жизненных обстоятельств, которые являются основанием для предоставления конкретных форм социального обеспечения. Ведь при рассмотрении последних нет смысла говорить об абстрактном «среднем» военнослужащем (как не имеет смысла говорить о «средней температуре по больнице»). Каждая мера социального обеспечения ориентирована на конкретную группу лиц и имеет собственное целевое предназначение: оказание поддержки определенным категориям лиц; компенсация ограничений, тягот и лишений, связанных с военной службой; стимулирование военнослужащего к тому типу поведения, который выгоден государству и его Вооруженным Силам, и т. д. Человека интересуют в первую очередь те формы социального обеспечения, на которые именно он имеет право в данный момент либо будет иметь в перспективе.

Доступность каждому той или иной формы социального обеспечения определяется статусом (правовым положением) данного лица. Любой гражданин относится к целому ряду категорий, которые определены законодательством как адресаты мер социального обеспечения и поддержки. Например, он одновременно может являться военнослужащим, лицом с семейными обязанностями, жителем конкретного муниципального образования, налоговым резидентом государства и т. п. Каждая из перечисленных категорий и многие другие характеристики того или иного лица влекут появление ряда прав и обязанностей социального характера.

Жизненные обстоятельства, с которыми законодательство связывает возникновение, изменение или прекращение правоотношений, называются юридическими фактами. Таким образом, каждая составляющая социального обеспечения военнослужащих представляет собой функцию от одного или, чаще, нескольких юридических фактов p_i , рассматриваемых как формализованные параметры, могущие принимать одно из строго определенного числа возможных значений, то есть имеющие числовую природу в соответствующей модели.

Не все юридические факты, определяющие статус военнослужащего с точки зрения объема положенных ему мер социального обеспечения, имеют значение для каждой из составляющих последнего. Удобно произвести классификацию жизненных обстоятельств по данному признаку. Юридический факт p_i назовем незначимым для (не оказывающим влияния) конкретной меры социальной поддержки, характеризуемой функцией $f(p_1, \dots, p_{i-1}, p_{i+1}, \dots, p_n, t)$, если существует функция $g(p_1, \dots, p_{i-1}, p_{i+1}, \dots, p_n, t)$ такая, что

$$p(p_1, \dots, p_{i-1}, p_{i+1}, \dots, p_n, t) = g(p_1, \dots, p_{i-1}, p_{i+1}, \dots, p_n, t)$$

Здесь t — обязательный временной параметр, поскольку право на меры социального обеспечения и их конкретное содержание могут меняться со временем.

Иными словами, юридический факт p_i является незначимым для анализируемой меры социального обеспечения, если право на нее, а также конкретное содержание этого права, не зависит от наличия или отсутствия соответствующего обстоятельства. Например, размер процентной надбавки к окладу по воинской должности за работу со сведениями, составляющими государственную тайну, не зависит от воинского звания военнослужащего. Следовательно, юридический факт, отражающий воинское звание, присвоенное военнослужащему, является незначимым для установления процентной надбавки к окладу по воинской должности за работу со сведениями, составляющими государственную тайну.

Остальные юридические факты будем называть значимыми для данной меры социального обеспечения.

Детальную классификацию последних предлагается проводить на основе значимых юридических фактов, определяющих право на соответствующие меры и их конкретное содержание. При таком подходе появляется возможность моделировать мероприятия военносоциальной политики индикативным путем, то есть рассматривая субъектов социального обеспечения как обладателей тех или иных признаков, определяющих их статус. Значения данных индикаторов будут определять объем и содержание мер социального обеспечения.

Может создаться впечатление, что подобный «юридический» подход к моделированию социального обеспечения военнослужащих концептуально неверен, поскольку в неразрывной связке между экономикой и правом последнему отводится обеспечивающая роль. Именно экономика определяет конкретное содержание правовых норм, а не наоборот.

Действительно, даже самые прогрессивные правовые нормы не могут отменить или изменить экономические законы. Однако при моделировании военносociальной политики задача экономической науки состоит не только и не столько в описании соответствующих объектов и процессов, сколько в их оптимизации, т.е. достижении рационального (в идеале — оптимального) соотношения между затратами на реализацию социальных мероприятий и их результатами. Причем обоснованные в ходе моделирования предложения должны быть реализуемы на практике, т.е. в качестве обязательного условия предполагается возможность их воплощения в виде соответствующих правовых норм.

Необходимость изменения механизмов стратегического планирования в социальной сфере осознана на самом высоком политическом уровне. В частности, Военная доктрина России ставит задачу программноцелевого планирования военного строительства. В целом ряде бюджетных посланий Президента РФ Федеральному Собранию (2007, 2006, 2005, 2004 годов) государственные органы ориентируются на применение программноцелевых методов при планировании и осуществлении бюджетных расходов, предполагающих их тесную увязку с планируемыми результатами. Несколько лет назад из научных статей экономистов в лексикон высших политических деятелей и государственных органов перекочевал такой термин как БОР (бюджетирование, ориентированное на результат).

Это, безусловно, правильно. Вместе с тем не в меньшей степени, чем ориентация на результат, представляет интерес степень рациональности тех или иных решений. Ведь путей достижения заданного результата может быть множество. Они могут отличаться по величине затрат, объему и направленности «побочных эффектов». Последние могут быть как негативными, так и позитивными. Иными словами, использование программноцелевых методов, инструментария БОР, необходимо, но не достаточно. Достаточным на современном этапе представляется активное внедрение при разработке государственных программ военносociальной направленности методологии военноэкономического анализа. Это позволит не только сопоставить те или иные варианты предлагаемых путей совершенствования военносociальной политики, но и выработать новые, основанные на рациональной комбинации мероприятий из различных программ. При этом серьезную научную проблему представляет выработка критерия эффективности соответствующих решений.

Конечный результат военносociальной политики выражается в уровне военного (боевого) потенциала как компоненты военной силы государства, боевой готовности войск. Соответственно, результирующим показателем тех или иных мероприятий в военносociальной сфере должно стать не популистское и неконкретное «повышение уровня социального обеспечения военнослужащих и гражданского персонала Вооруженных Сил РФ и других войск»⁵, а степень повышения боевого (военного) потенциала Российского государства, их вклад в общее социальное развитие общества.

Последнее представляется особенно важным отметить, поскольку целый ряд ученых считают, что военное потребление представляет собой безвозвратное изъятие из народного хозяйства материальных ценностей⁶, поддерживая К.Маркса, который отмечал, что расходы на войну «в непосредственно экономическом отношении это то же самое, как если бы нация кинула в воду часть своего капитала»⁷. Даже в Программе КПСС, принятой в 1961 году на XXII съезде партии, было записано: «Обогащая отдельные группы монополистичес-

⁵ Военная доктрина Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 21 апреля 2000 г. № 706) // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 апреля 2000 г., № 17, С. 1852.

⁶ Шигалин Г. И. Военная экономика в первую мировую войну. М.: Воениздат, 1956.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. С. 67.

кой буржуазии, милитаризм ведет к истощению наций, разорению народов, изнашиваемых под бременем налогов, растущей инфляции и дороговизны»⁸.

В настоящее время подобный подход представляется односторонним и устаревшим. Очевидно, что бюджетные средства, затраченные на приобретение вооружения, военной и специальной техники для вооруженных сил, не только способствуют развитию новейших и перспективных технологий, но и обеспечивают занятость для большей части населения страны, достаточный жизненный уровень для работников обороннопромышленного комплекса и членов их семей, стимулируют рост их образования, поддержание физического и психического здоровья. В конечном итоге все это способствует решению немалого числа задач социальной политики государства, в том числе, воспроизводства трудового потенциала страны.

Объем статьи не позволяет подробно рассмотреть здесь программноцелевые методы моделирования военносociальной политики. Поэтому хотелось бы привести концептуальные соображения, которые предлагается положить в ее основу:

Первое. Эффективность мероприятий военносociальной сферы должна оцениваться на основе критерия, отражающего их вклад в обеспечение военного (боевого) потенциала Российского государства, в обеспечение национальной безопасности.

Второе. Военно-социальная политика должна моделироваться как широкий комплекс мероприятий в социальной сфере, включающий в себя деятельность государства, отдельных его органов и учреждений на протяжении всей жизни каждого гражданина: начиная от охраны здоровья новорожденного и его матери (что в будущем отразится в том числе и на годности к военной службе), прохождения начальной военной подготовки в общеобразовательных школах и кончая обеспечением погребения умершего военносociающего, военного пенсионера, пенсионным обеспечением лиц, находившихся на его иждивении.

Третье. При рассмотрении затрат на достижение целей военносociальной политики необходимо учитывать использование не только финансовых, но и кадровых, информационных, материально-технических и иных ресурсов.

Четвертое. Обоснованность и эффективность затрат на реализацию военносociальной политики должна оцениваться на основе системного анализа результатов проведения соответствующих мероприятий с учетом их положительного либо отрицательного влияния на экономику и социальную организацию страны в целом.

⁸ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1976. С. 29.

Актуальные проблемы управления рисками при закупках для государственных нужд

О.А. КИРИКОВА,
кандидат экономических наук

АННОТАЦИЯ. Рассматриваются вопросы совершенствования системы госзакупок и контрактования в целях экономии госрасходов и исключения неоправданных потерь бюджетных средств через снижение рисков при их осуществлении путем грамотного государственного экономико-правового регулирования сферы контрактных отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: финансовые ресурсы, бюджетные средства, государственные нужды, система закупок, риски (инфляционные, дефляционные, валютные, инвестиционные, торговые), госзаказ.

SUMMARY. The issues of improving the public procurement system and contract process in order to save government spending and avoid unnecessary loss of budget funds by reducing the risks in implementing them through sound public economic-legal regulation of contractual relations.

KEYWORDS (TAGS): financial resources, budgets, state needs, procurement system, risks (inflation, deflation, foreign exchange, investment, trade), the state order.

КИРИКОВА Ольга Алексеевна родилась 6 июня 1970 года в Москве.

Закончила Российскую академию государственной службы при Президенте Российской Федерации и аспирантуру по специальности «Финансы, кредит, ценообразование». В 2003 году защитила кандидатскую диссертацию по специальности «Экономика и управление».

В гражданском секторе экономики работала на должностях, связанных с решением задач планирования, финансового обеспечения и налогообложения, занималась преподавательской деятельностью.

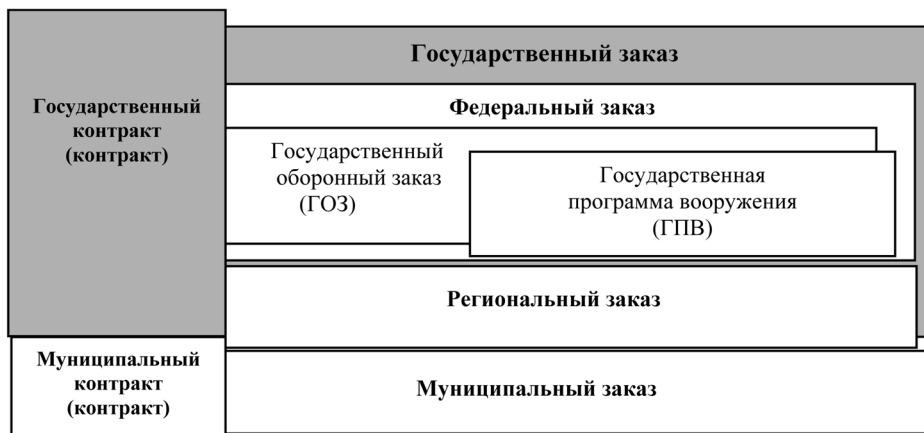
С 2002 года состоит на государственной гражданской службе в Министерстве обороны Российской Федерации. В настоящее время работает советником в управлении методологии бюджетного учета, финансового обеспечения и анализа исполнения сметы Департамента финансирования, учета и отчетности Министерства обороны РФ.

МАСШТАБЫ финансовых ресурсов, выделяемых на закупки для государственных нужд (составляют более трети расходов государственного бюджета), ежегодный рост объемов финансирования федеральных и ведомственных целевых программ обуславливают постоянную актуальность вопросов совершенствования системы госзакупок и контрактования, в том числе и через снижение рисков при их осуществлении. *Управление рисками при закупках для государственных нужд* — это систематическая работа по разработке и практической реализации мер по предотвращению и минимизации рисков, оценке эффективности применения этих мер, а также контролю за применением госзаказчиками (заказчиками) и исполнителями госконтрактов (контрактов) установленных соответствующими нормативными правовыми актами антирис-

ковых процедур и операций. Управление рисками относится к основным базисным принципам современных методов государственного и корпоративного (ведомственного) управления.

Государственное управление риском и риск-факторами при закупках для государственных нужд нацелено прежде всего на исключение неоправданных потерь бюджетных средств и экономию госрасходов. **Главным антирисковым инструментом определено грамотное государственное экономико-правовое регулирование сферы контрактных отношений.**

За последние годы в нашей стране последовательно реализуется комплекс мер, направленный на совершенствование нормативной правовой базы в области закупок для государственных нужд. Одновременно с практически полной переработкой законодательства о госзакупках и принятием Федерального закона 2005 года № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров для государственных и муниципальных нужд» внесены значительные дополнения в Гражданский и Бюджетный кодексы РФ, в антимонопольное законодательство, ужесточены положения Административного кодекса РФ. Выстроена четкая система контрактов и заказчиков (государственные и муниципальные), определены понятие и структура государственного и муниципального заказов (рис.).

Структура контрактов для государственных и муниципальных нужд

Федеральными органами исполнительной власти разработан и внедряется инструментальный системы закупок для государственных нужд: это сайты для размещения информации о закупках, государственные информационные ресурсы (реестры) по различным направлениям закупок, протоколы. Для снятия информационной неопределенности о возможных сторонах договора созданы реестры: недобросовестных поставщиков; государственных и муниципальных контрактов, заключенных по итогам размещения заказов; единственных поставщиков российского вооружения и военной техники (ВВТ). Для мониторинга реализации ГОЗ формируются реестры заключенных контрактов, результатов НИОКР, результатов интеллектуальной деятельности. Введены перечень продукции, подлежащей закупке на аукционе, ряд новых ведомственных классификаторов продукции, в том числе на основе классификатора военной техники и др.

В 2007 году введено правило твердых цен госконтрактов, которые не могут изменяться в ходе его исполнения, установлена обязательная процедура государственной приемки получаемых по контрактам товаров (работ, услуг).

К заключению долгосрочных контрактов, а значит снижению рисков для производителей продукции оборонного назначения (ПОН), открыл дорогу трехлетний ГОЗ (раньше на стабильное государственное финансирование могли рассчитывать только предприятия, которые производят сложную военную технику с длительным циклом изготовления).

Возрос статус Военно-промышленной комиссии при Правительстве РФ, координирующей деятельность федеральных органов исполнительной власти по вопросам оснащения Вооруженных Сил, формированию и контролю за реализацией государственных программ и заказов, а также совершенствованию ценообразования на ПОН. Для противодействия ценовому диктату поставщиков Военно-промышленной комиссией осуществляются усилия по приведению высокомонополизированного российского рынка ПОН к рынку контролируемому, на котором действует четкое нормативное регулирование ценообразования на ПОН. Разработана Концепция государственного регулирования цен на ПОН. Планом реализации Концепции предусматривается внесение законопроектов, проведение инвентаризации нормативной правовой базы в сфере ценообразования, а также утверждение Минэкономразвития России порядка применения индексов цен и дефляторов по видам экономической деятельности при прогнозировании цен.

В противодействии спекулятивному наращиванию затрат по контракту особую важность имеют:

- анализ опыта зарубежных стран в области ценообразования на ПОН;
- разработка механизма определения цены контрактов на стадии формирования, размещения и исполнения госзаказа с учетом реального удорожания цен на энергоносители, материалы, комплектующие, закупаемые производителями;

- анализ влияния изменения объемов выпуска продукции на уровень цен;

- разработка госзаказчиками методических рекомендаций, учитывающих особенности определения начальной цены контракта при размещении госзаказа, в том числе возможных рисков при формировании начальной цены;

- разработка предложений по совершенствованию антимонопольного законодательства в части сдерживания роста цен на сырье, материалы и другую продукцию, поставляемую доминирующими на соответствующем рынке предприятиями;

- разработка межведомственного каталога прогнозных и фактических цен, трудоемкости по НИОКР, производству и ремонту техники;

- создание единой информационной базы цен по номенклатуре госзаказа.

Мировой финансовый кризис внес коррективы в мероприятия по предотвращению и минимизации рисков при закупках для государственных нужд. Так, изменение динамики индексов цен (табл.) позволяет сделать вывод, что если до финансового кризиса наиболее проблемными являлись инфляционные риски¹, то в настоящее время возросла актуальность защиты и от дефляционных, а также валютных рисков.

Инфляционные риски для госзаказчиков оборачиваются проблемами обесценивания объемов бюджетного финансирования и порождают не только значительные потери физических объемов закупаемых ими товаров (работ, услуг), но и систематическое недофинансирование государственных нужд (при не выделении Минфином России дополнительных бюджетных ассигнований). У исполнителей госзаказа эти риски вызывают уменьшение доходов (возникновение убытков) по причине возрастания стоимости их производственных процессов.

¹ Военная Мысль. 2007. № 12. С. 7—11, 19—29.

Таблица

**Динамика индексов цен производителей и потребительских цен
(РОССТАТ)**

Показатели	2007 год				2008 год			
	К декабрю предыдущего года в %							
	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.
Производители промышленных товаров (обрабатывающие производства)	100,9	108,3	110,5	117,9	104,0	116,2	119,6	101,9
Производители сельскохозяйственной продукции (растениеводство, животноводство)	103,1	99,4	109,3	130,2	106,0	104,3	101,6	102,5
Производители в строительстве (строительно-монтажные работы)	102,2	106,7	114,8	121,2	103,3	109,5	117,8	118,6
Тарифы на грузовые перевозки (железнодорожный, автомобильный, трубопроводный транспорт)	105,9	110,6	117,7	106,8	110,9	119,9	136,0	141,4
Продовольственные товары	102,6	106,1	108,1	115,6	105,7	111,4	112,1	116,5
Непродовольственные товары	101,1	102,2	104,0	106,5	102,0	104,4	106,5	108,0
Платные услуги населению	108,0	109,8	111,6	113,3	107,5	110,8	114,1	115,9

Хотя таргетирование инфляции было объявлено главной задачей бюджетной и денежно-кредитной политики, но, несмотря на все новые меры по сдерживанию инфляции, верхняя граница заявленного планового предела общей инфляции все равно пересматривалась в сторону увеличения. К факторам нарастания инфляционных процессов относятся высокие темпы прироста госрасходов (должны быть соизмеримы с приростом ВВП) и неравномерность расходования средств федерального бюджета в течение года. Поэтому вопрос своевременного использования бюджетных средств федеральными органами исполнительной власти постоянно находится на контроле и регулярно обсуждается на заседаниях правительства при рассмотрении итогов исполнения федерального бюджета.

Дефляционные риски напрямую связаны с условиями хозяйствования, а также с сезонными и «кризисными» колебаниями цен.

Снижение налоговой нагрузки и таможенных пошлин, государственная поддержка предприятий ОПК через модернизацию и техничес-

кое перевооружение в рамках федеральной целевой программы «Развитие оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации на период 2007—2010 годы и на период до 2015 года» и других программ, меры экономического стимулирования, в том числе гарантирование фиксированного уровня рентабельности по видам ПОН через механизм ценообразования, поэтапное авансирование работ направлены на снижение цен конечной продукции.

Валютные риски увеличиваются в связи с резким колебанием стоимости мировых валют по отношению к российскому рублю, с введением свободных курсов валют и устранением валютных коридоров, а также увеличением (снижением) процентных ставок. Особенно актуальна защита от валютных рисков, приводящих к сокращению собственных оборотных средств предприятий ОПК, ориентированных на экспорт продукции.

Риски ликвидности связаны с возможными убытками от устаревания (снижения новизны) товаров. Их должны нести поставщики товаров и исполнители заказа. Однако на практике такого не происходит, стоимость госконтракта, заключенного по итогам конкурса, редко отклоняется в меньшую сторону от стартовой. Кроме того, российский ГОЗ в отличие от американского менее ликвиден, поскольку, несмотря на стабильное бюджетное финансирование, получение кредитов на его исполнение (с погашением после оплаты госконтракта госзаказчиком) проблематично.

Инвестиционные риски. Создавая условия, обеспечивающие повышение эффективности функционирования предприятий — исполнителей ГОЗ, и осуществляя экономическое стимулирование его выполнения, необходимо исключать случаи, когда затраты по переоснащению производств, стоимость закупленных и поставленных госзаказчиком для выполнения заказа материалов в последствии включается предприятием в цену продукции (эффект двойной оплаты: в составе субвенций и прибыли).

Риски упущенной выгоды госзаказчика прежде всего связаны с недостаточным использованием фиксированных цен, возможностей предоставления поставщиками сезонных скидок.

Реализация **торговых рисков** влечет наложение административных штрафов с одновременным аннулированием результатов торгов. Основными факторами торговых рисков являются нарушения и недостатки в размещении госзаказа. На федеральном уровне они в основном связаны с незаконным ограничением допуска к торгам, на региональном уровне — с низкой квалификацией членов конкурсных комиссий. Кроме того, торговые риски реализуются при неэффективном и нецелевом использовании бюджетных средств в результате оплаты завышенных объемов и стоимости выполненных работ (поставляемой продукции), а также расходов напрямую не связанных с реализацией госконтрактов; нарушениях при отборе исполнителей работ; ненадлежащей организации экономической и контрольной деятельности военных представительств; не взыскании в претензионно-исковом порядке неустоек, штрафов, пеней за невыполнение обязательств по госконтрактам.

Министерства и ведомства силового блока являются самыми крупными госзаказчиками (объемы закупок других федеральных органов исполнительной власти по сравнению с ними незначительны). При этом около 90 % объема ГОЗ составляют товары, работы и услуги, предназначенные для удовлетворения нужд Министерства обороны. Поэтому **невыполнение планов финансирования госзаказа, задержки с его размещением и контрактованием, образование остатков снижают эффективность расходования средств и ведут к перекосам в кассовом исполнении всего федерального бюджета.**

На стадии планирования бюджетных ассигнований, предназначенных для оплаты госзаказа Минобороны, учитывается прогнозный уровень инфляции (при трехлетнем планировании — на каждый год из трехлетки). При индексации (пересчете) предельных объемов финансирования госзаказа осуществляется дифференцированное применение индексов-дефляторов (поправочных коэффициентов).

Основу дальнейших постатейных корректировок бюджетных ассигнований составляют приоритеты использования средств и их экономические обоснования². В целях обеспечения концентрации выделяемых ресурсов на ключевых направлениях деятельности Минобороны в текущем году были определены приоритеты использования бюджетных средств, позволившие сбалансировать расходы и существенно повысить их эффективность. В частности, для оптимизации затрат на закупки ВВТ предусматривались поставки не просто определенного количества ВВТ, а перевооружение конкретных воинских частей и подразделений в полном объеме.

Проблемным вопросом при закупках по госзаказу остается методология расчета начальных цен госконтрактов³. Для учета особенностей производства отдельных видов ПОН в Минобороны разработан ряд методических рекомендаций по формированию начальной цены контракта на НИОКР, закупки и ремонт ПОН при размещении госзаказа; формированию начальной цены контракта на закупки продукции тылового обеспечения (по укрупненной номенклатуре), учитывающие, в том числе, изменения инфляционных издержек при переходе от предшествующего года к году определения начальной цены контракта.

На стадии финансирования защитой от инфляционных, дефляционных и других финансовых рисков служат контроль всего процесса изготовления и ценообразования, демонополизация оборонной сферы и приобретение изделий и запасных частей в гражданских отраслях и на биржах.

В ходе бюджетного учета и анализа отчетности управление риском сосредоточено на работе по снижению сумм дебиторской и кредиторской задолженности.

Основу дебиторской задолженности составляют непогашенные авансы на выполнение НИОКР, закупку и ремонт ПОН. Эффективным способом получения бюджетных денег под сомнительные проекты исполнителей контрактов должно стать авансирование, производимое только после тщательного рассмотрения технико-экономического обоснования заказа. Рост дебиторской задолженности ведет к отвлечению средств текущего финансирования и как следствие к образованию кредиторской задолженности, которая тормозит обеспечение текущих расходов.

Рост кредиторской задолженности у госзаказчика увеличивает риск заключения контрактов и договоров с превышением лимитов бюджетных обязательств, производства работ, не обеспеченных ассигнованиями, и порождает ущербную систему финансирования: необеспеченный средствами договор или контракт — образование кредиторской задолженности — судебный иск — вынужденная оплата в ущерб другим направлениям деятельности. Несвоевременные расчеты по исполненным контрактам особенно с подведомственными Минобороны предприятиями ведут к неуплате ими налогов в бюджетную систему страны, к задержкам выплаты заработной платы гражданскому персоналу этих предприятий, реализации других социальных рисков.

В целях защиты бюджетных ассигнований и повышения эффективности освоения выделяемых федеральным органам исполнительной

² Золотарева А.Б. Проблемы размещения государственного оборонного заказа // Финансы. 2007. № 8.

³ Военная Мысль. 2007. № 12. С. 28 — 29.

власти бюджетных средств Минфин при выявлении вышеуказанных и других нарушений снижает на следующий финансовый год бюджетные ассигнования провинившимся на сумму выявленных нарушений.

В Минобороны организационные подходы к управлению рисками при контрактации ГОЗ определяет Управление государственного заказа, в частности, через установление четкого Регламента взаимодействия органов военного управления при размещении заказов на поставки ВВСТ, материальных средств, выполнение работ, оказание услуг и исполнении госконтрактов.

Повышению эффективности закупок в рамках ГОЗ и ГПВ и снижению рисков упущенной выгоды способствуют: мероприятия по выстраиванию в Минобороны института защиты интеллектуальной собственности, созданной за счет средств федерального бюджета; меры, направленные на улучшение бухгалтерского учета нематериальных активов и распоряжения правами на результаты интеллектуальной деятельности военного и двойного назначения; компенсирование ранее затраченных средств федерального бюджета на НИОКР при проведении приватизации оборонных предприятий. Следует подчеркнуть особую важность своевременного установления правовой основы распоряжения результатами интеллектуальной деятельности, полученными при выполнении ГОЗ.

Защитой от инвестирования в неперспективные НИОКР служит традиционная оценка их целесообразности в технико-экономическом обосновании, разрабатываемом, как правило, уже на оплачиваемой госзаказчиком стадии аванпроекта. Необходимым компонентом этой защиты является внесение в тактико-техническое задание на НИОКР и контракт с исполнителем соответствующих оговорок, предусматривающих механизм возможного закрытия работы в случае ее дальнейшей нецелесообразности.

При выполнении оборонных заказов большой проблемой является перманентный дефицит у предприятий-исполнителей оборотных средств. С одной стороны, привлечение предприятием кредитных ресурсов для выполнения ГОЗ действующим законодательством не регламентировано, разрешение Минобороны на использование предприятиями заемных средств не требуется. С другой стороны, плата за пользование кредитом и проценты по нему войдут в конечном счете в стоимость продукции. По согласованию с заказчиком затраты предприятий на оплату процентов по полученным кредитам могут быть включены в расчетную (плановую) себестоимость производства, комплектующих изделий, работ по модернизации, но в размере не более ставки рефинансирования Банка России на момент формирования цены на изделие.

Поэтому условия включения затрат по кредиту необходимо заранее определять госконтрактом, не выходя за пределы утвержденных лимитов бюджетных обязательств на указанные цели. При этом госзаказчиком должны учитываться условия кредитного договора, график кредитования, сроки и размеры авансирования в соответствии с заключенным госконтрактом, а также данные об обеспеченности исполнителя собственными оборотными средствами и установленные сроки выполнения заказа.

Итак, управление рисками при осуществлении закупок для государственных нужд является действенным рычагом экономии и оптимизации предусмотренных на эти цели бюджетных ассигнований.

О некоторых подходах к освещению эволюции военно-морской науки в отечественной военной историографии

*Капитан 1 ранга в отставке М.С. Монаков,
кандидат исторических наук*

АННОТАЦИЯ. Проведен анализ более чем полувекового периода отечественной военной историографии в вопросах освещения военно-морской науки, рассмотрены некоторые понятия историографии, а также на конкретных примерах показана сущность эволюции теории и соотношение науки и теории.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: эволюция, военная (военно-морская) наука, историография, военно-морское искусство, теория военно-морского искусства.

SUMMARY. The analysis of more than half a century of domestic military historiography in coverage of naval science is carried out, some of the concepts of historiography are considered, as well as the essence of the theory of evolution and the relationship of science and theory are shown in the specific examples.

KEYWORDS (TAGS): evolution, military (naval) science, historiography, naval art, the theory of naval warfare.

МОНАКОВ Михаил Сергеевич родился 23 декабря 1948 г. в Павлодаре. В 1971 г. окончил Калининградское высшее военно-морское училище по специальности инженер-штурман.

С 1971 по 1975 г. проходил службу в соединении ОВР Черноморского флота — командиром штурманской боевой части, помощником командира малого противолодочного корабля.

В 1976 г. окончил Высшие специальные офицерские классы ВМФ и был переведен в части центрального подчинения.

С 1979 по 1989 г. проходил службу в управлениях Главкомата Военно-Морского Флота в качестве старшего офицера.

С 1989 г. по 2002 г. возглавлял научно-исследовательскую историческую группу ВМФ. После увольнения в запас работал в группе старшим научным сотрудником.

С октября 2009 г. — ведущий научный сотрудник Военно-морской академии имени Адмирала флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова.

Кандидат исторических наук, профессор Академии военных наук.

В военно-научной публицистике работает с 1988 г. Автор более 100 научных публикаций, включая 27 энциклопедических трудов, монографий и сборников.

Труды Монакова М. С. публиковались в США, Великобритании, Канаде, Германии и Испании.

СРЕДИ историков-научковедов едва ли найдется хотя бы один, открыто усомнившийся в том, что необходимо проявлять внимание ко всем этапам развития науки, включая весьма отдаленные. В реальности, однако, этот подход выдерживается далеко не всегда, поэтому в конце 1960-х годов советские ученые С.Р. Микулинский и Н.И. Родный посвятили этому вопросу специальное исследование, имея целью доказать, что «иначе ни о каком раскрытии истории познания как закономерного процесса не может быть и речи»¹. Очевидно, что это суждение вполне справедливо не только к человеческому познанию вообще, но и к любой частной науке.

¹ Микулинский С.Р., Родный Н.И. История науки и науковедение // Очерки истории и теории развития науки. М.: Наука 1969. С. 35—36.

Ситуацию с изучением системы знаний о вооруженной борьбе на море, существовавшей в прошлом, вполне характеризует список литературы, использованной учеными Военно-морской академии — авторами военно-теоретического труда «Основы военно-морской науки»², увидевшего свет в 1998 году. В нем около 500 названий, но лишь одна работа сборника — «Развитие теории войны на море и ее влияние на развитие флота и военно-морского искусства» Е.Ф. Подсобляева — имеет непосредственное отношение к освещению ее истории³. Вместе с тем название этой работы упоминается лишь единственный раз и помещено в той части списка, которая относится к главе 5-й «Основ...», представляющей собой обзор современных взглядов на структуру военно-морских научных знаний.

Напрашивается вывод, что авторы другой (2-й) «исторической» главы, как представляется, этого теоретического труда под названием «Развитие военно-морской науки в процессе эволюции военно-морской деятельности» к работе не обращались.

Нет, однако, никакой уверенности в том, что ознакомление авторов главы с произведением Е.Ф. Подсобляева могло существенным образом повлиять на результаты их исследования. Структура и содержание ее отражают реальное состояние нашего военного науковедения.

Прочитав эту главу, мы узнаем, что «в XVI столетии для отражения Армады великой город Лондон снарядил за свой счет 235 кораблей», что «в Законе о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 годы было намечено увеличить судостроение в 1950 году вдвое по сравнению с 1940 годом», что «в 1954 году военный блок НАТО официально принял на вооружение ядерное оружие», а в СССР «с 1955 года началась трагедия списания и резки на металл боеспособных крупных надводных кораблей...» и т. д.⁴

Конечно, кроме сведений, имеющих самое отдаленное отношение к предмету исследования, в главе 2-й «Основ военно-морской науки» есть и то, что действительно необходимо знать для понимания логики ее развития. Но в основном она представляет собой изложение уже давно пройденного. Только в последнем ее разделе — «Исторический обзор взглядов на предмет и структуру военно-морской теории и науки в XX веке» — авторы попытались обобщить и проанализировать хорошо известные научному сообществу ВМФ факты⁵, хотя преодолеть инерцию традиционного подхода к истории военно-морской науки и выйти за рамки рассмотрения исключительно внешних факторов ее развития им все же не удалось.

Справедливости ради надо сказать, что такой подход к освещению истории науки явление не новое. Оно характерно для всего науковедения, являющееся одной из самых молодых отраслей научных знаний и еще не до конца переболевшее «детскими болезнями».

Однако еще в позапрошлом веке Ф. Энгельс обратил внимание на взаимодействие двух главных сторон развития науки, одна из которых выступает как движущая сила, лежащая вне самой науки, другая как собственная логика ее движения, лежащая внутри науки и выражающая ее относительную самостоятельность⁶.

В начале 1970-х годов лидер советской школы науковедения, академик Б.М. Кедров обратился к коллегам с призывом «найти правильное сочетание обоих указанных моментов — внешнего и внутреннего — и соответствующих им двух подходов к науке: во-первых, того подхода, с помощью которого раскрываются материальные факторы исторического развития, во-вторых, того подхода,

² Рудометкин А.П., Гетман Н.Н., Поленин В.И. и др. / Гл. ред. Куроедов В.И. Основы военно-морской науки. Военно-теоретический труд. М.: Воениздат, 2008. 766 с. с ил.

³ Подсобляев Е.Ф. Развитие теории войны на море и ее влияние на развитие флота и военно-морского искусства. СПб., 1997.

⁴ Рудометкин А.П., Гетман Н.Н., Поленин В.И. и др. / Гл. ред. Куроедов В.И. Основы военно-морской науки. Военно-теоретический труд. С. 127 — 148.

⁵ Там же. С. 148 — 159.

⁶ Кедров Б.М. Энгельс и диалектика естествознания. М.: Издательство политической литературы, 1970. С. 68.

посредством которого прослеживается внутренняя логика развития науки и всего человеческого познания вообще»⁷.

Призыв как будто не остался без ответа, вопросы истории науки на некоторое время оказались в центре внимания научного сообщества СССР. Но уже к концу десятилетия интерес к ним угас, а проблема, как показывает содержание второй главы «Основ...», осталась. Есть, очевидно, и другие причины, не позволившие ее авторам, решить стоявшую перед ними исследовательскую задачу.

Вспомним, глава называется: «Развитие военно-морской науки в процессе эволюции военно-морской деятельности», но название ее первого раздела сформулировано уже по-иному — «Исторические и научные предпосылки развития военно-морской теории». Заголовок подраздела этого раздела «Исторические и научные предпосылки зарождения военно-морской теории» как будто ему соответствует, однако текст его начинается словами: «Появление теории войны на море как цельного учения, определявшего взаимозависимость политических и военных целей, способов и форм ведения боевых действий на море и вытекающих отсюда задач военно-морских флотов, было подготовлено историей развития мореплавания» (выделено автором — *М.М.*).

В длинной фразе перечислено все что угодно, кроме «военно-морской науки» и «военно-морской теории» — понятий, которые авторы, очевидно, считают равнозначными, а ведь они в свете данного исследования являются ключевыми. Какими же могут быть выводы из него, если в самом начале предмет его «потерян», и мысль субъекта познания ушла в сторону от поставленной цели?

В какой-то мере извинением может служить то, что в отличие от представителей других наук историки пользуются главным образом средствами естественного языка (неформатизированного). А у него свои законы, порой заставляющие нас жертвовать строгостью изложения в пользу стиливого разнообразия.

Но можем ли мы игнорировать предписания формальной логики, когда имеем дело с историей научных знаний? Ответ очевиден, хотя употребляемые нами слова бывают многозначными не только в естественных языках.

В самом деле, открыв «Философский энциклопедический словарь» (1983), в статье с соответствующим названием мы обнаружим шесть определений науки, трактующих ее как «сферу человеческой деятельности», «деятельность по получению нового знания», «сумму полученных к данному моменту научных знаний», «производительную силу общества», «важнейший социальный институт» и «отдельную отрасль научных знаний». Список можно продолжить и привести десятки других дефиниций, ни одна из которых не раскрывает понятия «наука» полностью.

Из-за этого историк, задумавший осветить все аспекты эволюции науки в рамках одного исследования, почти сразу приходит к выводу, что такая постановка основной исследовательской задачи, делает его цель недостижимой в принципе.

Особые сложности возникают в тех случаях, когда целью научного труда становится установление характерных особенностей генезиса частной науки, под которым в общем случае понимается процесс происхождения, возникновения, становления и развития какого-либо объекта или явления.

Чтобы разом охватить все стороны этого процесса, субъект познания, кроме того, что положено ему по основной специальности, должен иметь определенный запас знаний по философии, формальной и диалектической логике, математике, общей теории систем, кибернетике, науковедению, логике науки, т. е. быть в какой-то мере настоящим энциклопедистом.

Возможно, поэтому мы, военные историки, и не рискуем братья за решение такого рода проблем. И до тех пор, пока наш багаж будет состоять лишь из того, что мы «проходили» в системе общего и военного образования, вопросы генезиса военно-морской науки как «системы знаний и вида духовного производства»⁸ будут ждать своего решения.

⁷ Там же.

⁸ Философия: Учебник для вузов / Под ред. проф. В.Н. Лавриненко, проф. В.П. Ратникова. М.: ЮНИТИ, 2000. С. 458.

Попытки одолеть их без соответствующей научной подготовки, ожидаемых результатов не дают. Это хорошо видно на примере исследования В.Д. Доценко, опубликованного под названием «История военно-морского искусства».

В предисловии к первому изданию этой монографии, выпущенному в свет в 1999 году, В.Д. Доценко сформулировал свою основную цель — осветить «историю теории военно-морского искусства», поскольку «как отдельная проблема [она] никем никогда не рассматривалась»⁹. С тех пор его труд выдержал уже три издания. Полагаю, это заслуженная оценка работы, главным достоинством которой является самый подробный на сегодняшний день очерк эволюции мировой военно-морской мысли, с момента ее зарождения до конца XX века.

Вместе с тем заявленной цели исследования автору достичь не удалось, хотя все труды В.Д. Доценко отличаются тем, что мысль его «не блуждает в потемках», не шарахается из стороны в сторону, а всегда следует строго по намеченному маршруту. «История военно-морского искусства» исключением не является.

«Поскольку практическая деятельность находится в зависимости от уровня развития сил и средств флотов и взглядов на их применение... — пишет В.Д. Доценко, — надо анализировать и устанавливать причинно-следственные связи по схеме: взгляды на боевое применение сил и средств флота — развитие морских вооружений — боевое применение флота»¹⁰

Забудем о том, что эта «схема» вступает в явное противоречие с логикой эволюции любой отрасли военно-научных знаний, включая теорию военно-морского искусства и военно-морскую науку в целом.

Остановимся на «взглядах» — понятии, которое в суждениях В.Д. Доценко выступает как равнозначное «теории» и «науке». Посмотрим, каким образом автор «Истории военно-морского искусства» пытается раскрыть их содержание. «Анализируя... взгляды, — продолжает он, — надо исследовать как теоретические труды, так и руководящие документы»¹¹.

Есть все основания полагать, что этот подход считает правильным абсолютное большинство наших историков. Чтобы убедиться в этом достаточно наугад взять с книжной полки любой труд по истории отечественной военно-морской мысли. Но можно ли ставить знак равенства между взглядами и научным знанием?

В начале 2000-х годов с этим вопросом к научному сообществу ВМФ обратились вице-адмирал Р.А. Голосов и капитан 1 ранга В.И. Корявко, опубликовавшие в «Морском сборнике» статью «Развитие взглядов на строительство и использование сил флота России». К сожалению, он остался без ответа.

Надо думать, что незамеченным остался и основной вывод авторов, смысл которого состоит том, что к понятию «взгляды» — неважно получили они нормативное оформление или выражают чью-либо персональную точку зрения, не являющуюся официальной — следует относиться с крайней осторожностью.

«Когда система взглядов опирается на объективные положения системы знаний, — писали они, — государство может выработать более или менее объективную военную политику, военную доктрину, концепцию использования вида Вооруженных Сил. В противном случае складываются субъективные взгляды, которым подчас присущ авантюристический характер, и государство несет невосполнимые издержки, как в строительстве военной организации, так и при достижении военно-политических целей»¹².

Выходит, что ставить знак равенства между «наукой» и «взглядами» нельзя. Но мы продолжаем делать это, во-первых, потому что такой подход имеет глубокие исторические корни. За ним — авторитет основоположников современной военно-морской науки.

Но в то время, когда жили С.О. Макаров и Н.Л. Кладов, она едва зарождалась, и в своих выводах эти теоретики могли опереться только на «взгляды» выдающихся предшественников и современников: П. Госта, Джарвиса, Фрид-

⁹ Доценко В.Д. История военно-морского искусства в 4 т. / Ред. В.И. Куроедов. СПб.: Судостроение, 1999. Т. 1. С. 7.

¹⁰ Там же. С. 22.

¹¹ Там же.

¹² Голосов Р., Корявко В. Развитие взглядов на строительство и использование сил флота России // Морской сборник. 2000. № 9. С. 28.

риха Великого, Г. Жомени, М. Лазарева, Г. Гласкова, Жюрьен де-ла-Гравьера, Бейнбриджа-Хоффа, М. Скобелева, Г. Леера, М. Драгомирова, А. Мэхэна и Ф. Коломба.

Заметим, что оба теоретика, стоявшие у истоков отечественной военно-морской науки, совершенно точно определяли жанр наиболее известного произведения С.О. Макарова — как некоторые мысли относительно общих основ морской тактики, но вовсе не как ее целостную теорию.

С другой стороны, безусловно, правы и те, кто считает, что современная система научных знаний о вооруженной борьбе на море выросла из «взглядов» таких военно-морских мыслителей как С.О. Макаров, Н.Л. Кладо, Б.Б. Жерве, М.А. Петров, И.С. Исаков, В.А. Белли, С.Г. Горшков. Это лишний раз доказывает, что на самом деле между «взглядами», в которых аккумулируется опыт общественной практики, и наукой, происходящей из нее, нет никаких непреодолимых стен.

Существенные различия между продуктами мыслительной деятельности на уровне обыденного и научного сознания состоят главным образом в методах их получения, формах организации способах обратной связи с практикой.

Это значит, что В.Д. Доценко совершенно прав, призывая к тщательному анализу как нормативных документов, регламентирующих применение сил флота, так и неофициальных военно-теоретических трудов. Вопрос лишь в том, что надо из них извлечь, чтобы получить представление о закономерностях развития военно-морской науки как системы знаний.

Беру, однако, на себя смелость предположить, что сломать традиционный, не дающий уже необходимых научных результатов подход к исследованию особенностей генезиса военно-морской науки, одним историкам не по плечу. Для этого всему научному сообществу ВМФ надо договориться о порядке употребления некоторых многозначных слов и сложных имен.

И начинать, очевидно, придется с тех, определения которых к настоящему времени приобрели почти сакральный характер — таких, как «военно-морское искусство» и «теория военно-морского искусства».

При этом невозможно пренебречь тем, что родовыми для этих понятий являются «военное искусство» и «теория военного искусства».

В последнем издании «Военной энциклопедии» «военное искусство» определяется как «теория и практика подготовки и ведения военных действий на суше, на море и в околоземном пространстве»¹³, а «теория военного искусства» как «составная часть военной науки, исследующая в тесном взаимодействии с другими ее отраслями законы, формы и способы ведения вооруженной борьбы в стратегическом, оперативном и тактическом звеньях»¹⁴.

В «Военно-морском энциклопедическом словаре» (2004) содержание понятия «военно-морское искусство» трактуется как «теория и практика подготовки и ведения силами флота самостоятельно и во взаимодействии с объединениями и соединениями других видов вооруженных сил операций, боевых действий, сражений и боев на морских и океанских ТВД... «важнейшая часть военно-морской науки»¹⁵, а «теория военно-морского искусства» — как «составная часть (раздел) военно-морской науки, система военно-научных знаний о вооруженной борьбе на море»¹⁶ (выделение подчеркиванием автора — М.М.).

Эти дефиниции в почти неизменном виде существуют в продолжение трех — четырех десятилетий, не вызывая сомнений у абсолютного большинства военных ученых¹⁷, и даже постановка вопроса о пересмотре их содержания некоторым из них представляется совершенно невозможной.

¹³ Моисеев М.А. Военное искусство // Военная энциклопедия в 8 т. Т. 3. М. Воениздат, 1994. С. 150.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Военно-морской энциклопедический словарь / Ред. Куроедов В.И. М.: Воениздат, 2004. С. 148.

¹⁶ Там же. С. 820.

¹⁷ Вершинин Д.А., Вьюненко Н.П., Котухов М.П. и др. Военно-морской оперативно-тактический словарь / ред. Питерский Н.А. М.: Воениздат, 1957. С. 56; Сбытов Н.А. Предмет и структура советской военной науки // О предмете и содержании советской военной науки / ред. Иванов С.П. М., 1971. С. 83; Евсеев А.И. Советское военное искусство. // О предмете и содержании советской военной науки. С. 87; Плехов А.М. Советская военная энциклопедия. В 8 т. Т. М.: Воениздат, 197... С....; Словарь военных терминов. М.: Воениздат, 1988. С. 51; Военный энциклопедический словарь / Ред. Чернавин В.Н. М.: Воениздат, 1990. С. 81; Витковский А.И., Клокотов Н.П., Асташов А.В. Военная наука: теоретический труд. М., 1992. С.63.

Из этого не следует вывод о каком-то особом консерватизме нашей военной мысли. Как писал в свое время советский философ и науковед П.В. Копнин: «Ученые не сразу и не без боли расстаются со старыми понятиями...»¹⁸. Однако рано или поздно это приходится делать. Особенно, когда привычные выражения даже с точки зрения формальной логики, не отвечают принципам однозначности и взаимозаменяемости¹⁹.

Но пока мы пользуемся этими понятиями в их нынешней трактовке, каждый исследователь волен решать сам, в каких отношениях «теория» и «практика» состоят между собой и «военно-морским искусством» и как они соотносятся с «военно-морской наукой».

В ловушки в виде некорректных имен и неточных определений попадают не только рядовые ученые. Порой их не удавалось обойти и выдающимся представителям отечественной военной мысли. В качестве примера можно привести цитату из труда «Морская мощь государства» С.Г. Горшкова. «Военно-морское искусство, как и любая научная теория — писал он, — тесно связано с практикой и опирается на опыт...»²⁰ (подчеркнуто автором — М.М.).

Заметим, однако, что в отличие от большинства теоретиков своего времени С.Г. Горшков отдавал себе отчет в том, что эти ключевые понятия нуждаются в уточнении. В цикле статей «Военно-морские флоты в войнах и в мирное время» вместо выражения «теория оперативного искусства Военно-Морского Флота» бывший главком, никогда не допускавший случайных оговорок, употребил словосочетание «теория оперативного использования ВМФ»²¹.

Точно так же она называется в черновом варианте «Морской мощи государства». Однако научные редакторы Воениздата напомнили именитому автору, что общим именем военных знаний о подготовке и ведении действий оперативного масштаба является «теория оперативного искусства», и С.Г. Горшков их правку принял.

Проблема на время была снята, но не решена. Путаница, возникшая из-за многозначности употребляемых военно-морскими теоретиками слов и неявной тавтологии в дефиниции теории военно-морского искусства, продолжала распространяться вширь и вглубь.

В 1990 году в свет вышел «Военно-морской словарь» под редакцией адмирала флота В.Н. Чернавина. Дефиниции понятий «теория военно-морского искусства» и «теория военно-морского флота», помещенные в нем, сравнить очень легко: статьи с соответствующими названиями располагаются на одной странице и следуют друг за другом. Первая определяется как «система научных знаний о законах и закономерностях вооруженной борьбы на море», вторая — как «система научных знаний, раскрывающих законы и закономерности вооруженной борьбы на море...»²².

Эти определения являлись методологическими ориентирами, которыми научное сообщество ВМФ руководствуется в продолжение многих лет.

Вместе с тем, как бы ни была велика роль дефиниций в научном познании, преувеличивать их значение не следует. Как показывает история любой отрасли научных знаний, ни одно сформулированное положение нельзя возводить в непреложный закон.

К тому же, по признанию генерала армии М.А. Гареева, который в свое время был одним из главных инициаторов переименования военно-морской науки в теорию Военно-морского флота, этот вопрос решался волевым путем. Вспоминая об этом, он пишет: «Как сторонники военно-морской науки, так и их оппонен-

¹⁸ Копнин П.В. Диалектика как логика и теория познания: Опыт логико-гносеологического исследования. М.: Наука, 1973. С. 158.

¹⁹ В современном определении теории военно-морского искусства заключена и скрытая тавтология. Она становится явной, если словосочетание «военно-морское искусство» заменить словами «теория и практика». Выполнив эту мысленную операцию, мы увидим, что теория военно-морского искусства определяется как теория теории (определяемое определяется определяемым) — М.М.

²⁰ Горшков С.Г. Морская мощь государства. Изд. 2-е., доп. М.: Воениздат, 1979. С. 308.

²¹ Горшков С.Г. Военно-морские флоты в войнах и в мирное время: Развитие Советского Военно-Морского Флота в 1921 — 1941 гг. // Морской сборник 1972. № 7. С. 22.

²² Военно-морской словарь / Ред. Чернавин В.И. М.: Воениздат 1990. С. 426.

ты вели обсуждение без предварительной глубокой проработки рассматриваемых вопросов и слабо владели методологией классификации научных знаний»²³.

Прошло три десятилетия, но можно ли говорить о том, что ситуация коренным образом изменилась?

Чтобы не быть голословным приведу дефиницию, которая родилась на свет с моим участием и определяет военно-морскую науку как «теорию вооруженной борьбы на море на высшей ступени своего развития»²⁴.

Оговорюсь, что к этой формулировке мы (авторы «Военно-морского энциклопедического словаря») пришли далеко не сразу. Она — результат длительной, иногда довольно напряженной дискуссии. При этом все ее участники соглашались с тем, что надо устранить накопившиеся ошибки, в первую очередь те, которые появились в отечественных дефинициях из-за определения военно-морского искусства как «теории и практики» и тавтологии, скрытой в сложном названии «теория военно-морского искусства».

Однако и мы допустили методологическую ошибку, упустив из виду существенное различие между наукой и теорией как двумя разными формами организации научного знания.

Между тем эволюция теории (как относительно замкнутой системы) определяется главным образом внутренней логикой ее развития, а наука (как система открытая, включающая в себя не только определенную сумму знаний, накопленных к данному моменту времени, но и коллективного субъекта познания) в своем развитии испытывает значительное, а порой и решающее воздействие политических, социально-экономических и идеологических факторов.

Из этого можно сделать вывод: содержание одних и тех же этапов генезиса теории и науки различно, и без учета этого решающего обстоятельства мы уже не можем получить новые сведения о далеком и недавнем прошлом современной системы научных знаний о вооруженной борьбе на море.

²³ Гареев М.А. Военно-морская наука в общей системе военных наук // Военно-морская наука — основа строительства и развития Военно-Морского Флота: Материалы научно-теоретической конференции ВМФ 3 февраля 2003 г. М. Воениздат, 2004. С.14.

²⁴ Военно-морской энциклопедический словарь / Под. ред. В.И. Куроедова 2-е. изд., испр. и доп. М.: Воениздат, 2003. С. 147.

О военной науке и войне

Полковник в отставке В.В. БАБИЧ

АННОТАЦИЯ. Рассматривается вопрос о необходимости определенной перестройки отечественной военной науки как по форме, так и по содержанию, особенно в теории управления войсками, теории боевых возможностей войск, теории моделирования боевых действий и вооруженной борьбы в целом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: война, военная наука, военная политика, вооруженная борьба, вооруженная агрессия, теория войны и мира.

SUMMARY. The question of the need for some adjustment of domestic military science, in both form and content, especially in the theory of controlling troops, the theory of combat capabilities of troops, the modelling theory of hostilities and armed struggle as a whole.

KEYWORDS (TAGS): war, military science, military policy, armed struggle, armed aggression, the theory of war and peace.

БАБИЧ Владимир Викторович родился 9 декабря 1946 года в городе Самарканде УзССР. В 1965 году окончил суворовское военное училище, в 1968 — Рязанское воздушно-десантное командное училище. Служил в ВДВ, прошел все ступени от командира взвода до начальника штаба полка. В 1979 году с отличием окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе. С 1982 года — на преподавательской работе, службу закончил в должности заместителя начальника кафедры РВДКУ. В настоящее время — преподаватель военной кафедры РГРТУ.

ИНТЕРЕСЫ совершенствования системы национальной безопасности РФ требуют решения ряда проблем в различных областях деятельности государства, в том числе в области военной безопасности. Это в полной мере относится и к российской военной науке (ВН), которая призвана и далее быть существенным

фактором военной политики России.

Не секрет, что наша военная наука переживает далеко не лучшие времена, хотя следует, на наш взгляд, воздержаться от таких оценок ее состояния, как «кризис» и «тупик». Но в любом случае российская военно-научная мысль нуждается в качественном продвижении вперед. С этой точки зрения, видимо, справедлива постановка вопроса о необходимости обновления и совершенствования не только содержания российской ВН, но и ее структуры. Полагаем, существенное значение в этом деле имеет четкое определение ее роли и места в ряду других общественных (как сейчас принято говорить — гуманитарных) наук. По этой проблеме в журнале «Военная Мысль» появилась отличная «информация к размышлению» — статья генерал-майора в отставке И.С. Даниленко «От прикладной военной науки — к системной науке о войне»¹. Опубликованный материал очень интересен и в чем-то даже оригинален, однако и не бесспорный, что вынуждает нас вступить в заочную дискуссию с уважаемым Игнатом Семеновичем.

Считаем, что нет необходимости дополнительно обосновывать крайнюю актуальность формирования «системной науки о войне», но насчет ее названия имеется иное мнение, ибо это далеко не малозначающий фактор. На наш взгляд, при решении задачи формирования такой науки нам никак не обойтись без взвешенного учета имеющегося богатейшего опыта, в первую очередь — советского. Ведь во времена Советского Союза существовала не просто наука о войне, а *наука о войне и мире* (хотя такое понятие тогда не употреблялось). Она представляла пусть и монополизированную коммунистической партией

¹ Военная Мысль. 2008. № 10. С. 23—32; № 11. С. 18—27.

(а потому соответствующим образом идеологизированную), однако все же **стройную систему знаний, взглядов и выводов по вопросам как вооруженной защиты государственных интересов СССР, так и предотвращения войны.** Пройгнорировать эту систему — значит что-то потерять из бесценного опыта советской военной школы, а затем «открывать Америку» и таким образом расточительно тратить время и нашу научную «энергию».

При таком, далеко не новом, но рациональном подходе мы не можем согласиться с толкованием Игнатом Семеновичем структуры советской военной науки, который полагает (точнее — преподносит как факт), что «фундаментальная общественно-смысловая часть, представленная марксистско-ленинским учением о войне и армии»², являлась частью советской военной науки. Но это совсем не так, потому что не военная наука, а, напортив, советская наука, как совокупность многих наук, теорий и учений, включала в себя в том числе марксистско-ленинское учение о войне и мире, о войне и армии и конечно же военную науку. Причем первые два учения (теории) однозначно понимались как части учения об обществе. Они были непосредственно завязаны на коренные философские, идеологические, экономические, социально-политические и другие положения марксизма-ленинизма, а их предметами изучения были актуальные проблемы войны как общественно-политического явления в межгосударственных и межклассовых отношениях, соотношения мира и войны, предотвращения войны, особенно мировой ракетно-ядерной, а на завершающем этапе существования мировой социалистической системы — принципы и задачи мирного сосуществования двух систем³. Таким образом, в зону ответственности данных учений входили и война, и мир как определенные состояния социума.

А военная наука по советским канонам представляла собой относительно самостоятельную и не менее стройную систему знаний о характере и законах войны, подготовке Вооруженных Сил и страны в целом к войне и особенно к ее важнейшей составляющей — вооруженной борьбе (ВБ). Поэтому основным предметом военной науки являлась именно ВБ с ее сущностью, содержанием, формами и способами ведения. Отсюда и соответствующая структура, составные части этой науки⁴.

Важно заметить, что краеугольным камнем во взаимосвязи двух вышеупомянутых учений (теорий) и военной науки являлось положение о том, что **марксистско-ленинское учение о войне и армии составляет методологическую основу советской военной теории и практики**, а марксистско-ленинское учение о войне и мире — методологическую основу для разработки внешнеполитической программы КПСС. Для нас совершенно очевидно подчиненное положение военной науки относительно указанных учений (теорий), составляющих ее методологическую основу. И мы с полным основанием можем резюмировать, что названные два учения и военная наука фактически и составляли науку о войне и мире (а не «науку о войне» — по взглядам И.С. Даниленко). По-другому и быть не может, ведь проблемы мира и войны, как определенных состояний межгосударственных отношений, взаимосвязаны и взаимообусловлены уже потому, что война является продолжением политики, которая проводилась государством в мирное время, но с применением сил и средств вооруженного насилия.

Считаем необходимым особо подчеркнуть: упомянутые два марксистско-ленинских учения и играли роль той «общей теории войны и мира» (как ее справедливо называет уважаемый Игнат Семенович), которую и предстоит сформировать российским ученым, но уже на основе принципиально новых мировоззренческих, политических и иных реалий и подходов. Таким образом, **выявление истинной структуры, по сути, советской «науки о войне и мире» содержит в себе важный методологический посыл, подсказку в работе по формированию уже российской науки о войне и мире.** В ином случае будем друг друга только запутывать и утверждать, что «советская наука могла претендовать на статус системной науки о войне»⁵. Скажем прямо, такой проблемы никогда

² Военная Мысль. 2008. № 10. С. 26.

³ Военный энциклопедический словарь. М.: Воениздат, 1984. С. 426, 427.

⁴ Там же. С. 136.

⁵ Военная Мысль. 2008. № 10. С. 26.

не было, а главное, на такой статус военная наука никак не могла претендовать ни по формальным, ни по базисным общенаучным основаниям.

С формально-юридической точки зрения действовало незыблемое положение о КПСС как о единственной и монопольной руководящей и направляющей силе буквально во всем и уж тем более в области военной политики государства, военного дела и военной науки. Поэтому сама попытка заговорить об изменении статуса (т. е. места и роли) советской военной науки, не говоря уже о том, чтобы поставить ее выше марксистско-ленинских учений, являлась бы в то время антиконституционной. С общенаучной же точки зрения мы не имеем права упустить из виду ту очевидную истину, что **политику государства определяют его осознанные и сформулированные национальные интересы**. Эти, по сути своей, высшие интересы диктуют в том числе и соответствующую политику в области их вооруженной защиты, т. е. военную политику. При формулировании национальных интересов политическая элита страны в лице государственного руководства, лидеров ведущих политических сил (партий) опирается на общефилософские, политические, экономические и другие официально принятые теории, принципы, доктрины, а также на знание реального положения дел в той или иной области и, конечно же, на личные убеждения и опыт.

Применительно к СССР необходимо отметить, что в условиях абсолютной несовместимости главных и конечных интересов двух антагонистических социально-политических систем (коммунистической и капиталистической) и проистекавших из этого остроконфронтационных отношений основное содержание военной политики Советского Союза составляла подготовка к отражению вооруженной агрессии со стороны «загнивающего и близкого к своему крушению и исчезновению» лагеря капитализма, т. е. подготовка к войне практически со всем миром (в том числе, как ни странно, с мощнейшим социалистическим на тот период Китаем). Элита СССР в лице Политбюро ЦК КПСС, абсолютно монопольного выразителя национальных интересов страны, четко указывала на источники и характер угроз (военных — не в последнюю очередь) для нашей державы во второй половине XX века и называла потенциального и наиболее вероятного противника в возможной войне — военно-политический блок НАТО во главе с США. Именно такого рода идеологические и политические обоснования и установки с объективной закономерностью определяли задачи и действия в области советского военного строительства, а для военной науки — в области ее основного предмета исследования: вооруженной борьбы, ее ожидаемого масштаба и характера.

В конечном счете нельзя не видеть, что в советской системе знаний о войне и мире (именно — и мире) оказывается все находилось на своих местах и в органичном единстве: и «лошадь», и «телега» (воспользуемся терминологией Игната Семеновича). Из этого следует для нас еще один методологический посыл: при формировании обновленной российской науки о войне и мире (а в ее рамках — обновленной военной науки) отпадает необходимость заниматься решением проблемы замены местами, как считает уважаемый Игнат Семенович, упомянутых «объектов». А вот что крайне необходимо и актуально, так это **формирование принципиально новой общей теории войны и мира, которая относительно военной науки как раз и будет являться фундаментальной общественно-смысловой частью**. Конечно же, за этим должен стоять, как справедливо указал И.С. Даниленко, «комплекс философских, политологических, политэкономических, социологических и других исследований войны как общественного явления»⁶. Из этого вытекает очередной методологический и некоторым образом практический посыл: осуществление данного комплекса исследований войны как общественного явления должно стать делом не военных ученых, а всего гуманитарного сектора Российской академии наук при самом активном участии и ВН. Если будет наоборот, тогда задачи и предмет исследований, за которые ответственна военная наука, просто растворятся в вышеупомянутом комплексе, что крайне пагубно скажется на и так не очень благополучном состоянии российской военной науки.

Уточнив место и роль советской военной науки в системе знаний о войне и мире, мы вынуждены задаться вопросом: почему же в настоящее время вышеу-

⁶ Военная Мысль. 2008. № 11. С. 26.

казанное соотношение (субординация) политики, идеологии и военной науки является якобы неприемлемым (как это видно из статьи И.С. Даниленко)?! Для чего же тогда нужны были титанические усилия российского государственно-политического руководства (кстати, работавшего в тесном контакте с военными учеными) по формированию Концепции национальной безопасности РФ и производной из нее — Военной доктрины? Видимо, в том числе и для того, чтобы определить вектор и некоторые новые ориентиры для нашей военной науки. У нас вызывает недоумение видение уважаемым ученым в качестве одного из неперенных путей развития российской военной науки (а точнее, по его мнению, вывода из кризиса и тупика) полной ее независимости от государственной политики и идеологии. Он считает, что «трансформация военной науки в подлинную науку о войне возможна только при ее независимом статусе, хотя бы от жесткого диктата политики и идеологии»⁷.

Мы, конечно, поддерживаем автора в том, как он искренне радуется за трансформированную военную науку. Однако **претворение в жизнь его тезиса о независимом статусе военной науки выльется в то, что такая «трансформация» будет в конечном счете осуществлена для нее же, для науки, а не для удовлетворения осознанных, обоснованных и определенным образом сформулированных национальных интересов государства.** Считаем такой подход к совершенствованию и развитию военной науки нереальным в условиях существования государства с его национальными интересами и в конечном счете — непродуктивным. Если мы хотим увести нашу военную науку в область свободного, ничем не обусловленного «проектирования», например космических войн с инопланетянами, тогда да, надо добиваться освобождения военной науки от жесткого диктата политики и идеологии государства, чтобы она стала, как говорит И.С. Даниленко, «самостоятельной наукой о войне»⁸. Но ведь на то она и политика государства (с ее философско-мировоззренческой, идеологической и другими сторонами), чтобы выработать цель; на то она и наука, чтобы выявлять и глубоко обосновывать необходимые силы, средства и способы достижения этой цели (либо аргументированно доказывать нереальность выданных политикой целевых установок). И как бы кто-то ни огорчился и не возражал, **военная наука ввиду специфики своей области исследований всегда была и будет в определенной мере «апологетикой военной политики»** (пользуясь терминологией уважаемого И.С. Даниленко).

Мы не думаем, что в настоящее время положение о том, что «содержание и направленность военной науки зависят от военной политики и военной доктрины»⁹, безнадежно устарело. Заметим, что, конечно же, при всем при этом сама военная наука не является относительно политики абсолютно пассивной. Однако если политике государства будет диктовать свободная наука о войне, на практике это неизбежно будет означать диктат государственных, как сейчас говорят, силовых структур, что, в свою очередь, может привести к войне. А такой путь никак не отвечает коренным национальным интересам России, интересам устройства прочной государственности, создания высокоэффективной экономики, процветания общества и каждой личности.

Говоря о месте и роли военной науки в военной политике, нельзя проигнорировать тот факт, что именно эффективная политика Советского Союза (при конструктивной роли военной науки) во второй половине XX века не оставила военно-политическим кругам США и НАТО никаких, даже призрачных надежд на возможность достижения успеха в подготавливавшейся ими войне против СССР. Потому противостояние военных группировок так и не переросло в вооруженную борьбу. Началась так называемая **холодная война, которая представляла собой комплексную бескомпромиссную борьбу с применением с обеих сторон экономических, дипломатических, политических, идеологических, информационных и других невоенных средств, сил и способов.** Вооруженные же силы двух сторон, к счастью, друг против друга практически не применялись. Советская политико-экономическая система, к сожалению, рухнула, причем без использования сил, средств и способов вооруженного насилия, т. е. без вооруженной борьбы. И, как ни странно, в крушении СССР не то что нет доли

⁷ Военная Мысль. 2008. № 11. С. 26.

⁸ Там же. С. 25.

⁹ Военный энциклопедический словарь. Воениздат, 1989. С. 137.

вины советской военной науки (а такую долю Игнат Семенович усмотрел), но даже есть некая скрытая ее заслуга, потому как исчезновение Советского Союза с политической карты мира произошло без настоящей войны. Значит, принцип (заповедь) «хочешь сохранить мир — готовься к войне» был эффективно претворен в жизнь, причем не без помощи достаточно эффективной советской военно-научной мысли. Ее плодами мы продолжаем пользоваться до сих пор (хотя определенный застой в военной теории очевиден).

Феномен и отличительная особенность холодной войны, этой затяжной (полувековой) комплексной борьбы, как раз и заключаются в отсутствии в ходе нее вооруженной борьбы. Именно этим холодная война отличается от полноценной «горячей». И как тут не согласиться с уважаемым И.С. Даниленко по поводу того, что холодная война велась с «конкретными геополитическими целями, с отвечающими особенностям этой войны стратегией, оперативным искусством и тактикой»¹⁰. Но истины ради полагаем, что следовало бы уточнить — со стратегией, оперативным искусством и тактикой именно борьбы (а не войны) в сферах: экономической, дипломатической, политической, идеологической, информационной, т. е. во всех, кроме военной. По сути, эта самая холодная война явилась всеобъемлющей невоенной борьбой на взаимное изматывание и в конечном счете на проверку жизнеспособности каждого из противостоящих лагерей. Социалистический лагерь во главе с СССР такой длительной проверки, к сожалению, не выдержал.

При таком подходе к пониманию сущности и содержания холодной войны мы не можем согласиться с тезисом уважаемого ученого о том, что на нынешнем этапе своего эволюционирования (развития и изменения) война может во всей своей полноте вестись и без вооруженной борьбы, приобретая тем самым характер «нетрадиционной». При всем при этом такая война, якобы, имеет такие же последствия, как и традиционная. В ней, как утверждает автор, достигаются в том числе и «военные цели» (используя терминологию И.С. Даниленко), т. е., по всей видимости, наносятся невосполнимые потери личному составу противника, уничтожаются (разрушаются) военные, экономические объекты, инфраструктура страны, дезорганизуется система государственного и военного управления, образуются районы пожаров, затоплений, зоны заражения от ОМП и т. п. Заметим и повторим — и это все без вооруженной борьбы. А если еще будто бы эти самые нетрадиционные войны «мимикрируют под мир», то картина нынешней нашей жизни не внушает никакого оптимизма.

Такое эволюционирование войны (а вернее будет сказать — такое понимание данного объективного процесса), кроме всего прочего, в научном плане просто стирает всякие более-менее четкие грани между состояниями войны и мира в межгосударственных отношениях, а в практическом плане сводит на нет какие-либо перспективы в борьбе за сохранение и укрепление мира. Что-то подобное уже вытекало из марксистско-ленинской теории классовой борьбы. А главное, такое понимание с объективной неизбежностью подталкивает нас к выводу: России, как и раньше, предстоит жить в условиях перманентной, ни на минуту не прекращающейся «нетрадиционной войны», и тут уже не до налаживания партнерских отношений с другими государствами, ведь вокруг сплошь враги и противники. Между прочим, тогда становится понятен вывод уважаемого И.С. Даниленко о том, что Советский Союз, якобы, пережил третью мировую войну, которая и вызвала его разрушение.

По нашему глубокому убеждению, со строго научных позиций следует понимать, что война без вооруженной борьбы — вовсе не война в полном смысле этого понятия. И это подтверждается целым рядом современных войн: США против Ирака и Югославии, агрессия Грузии против Южной Осетии и др. Обратим внимание на то, что не такая уж далекая (и тем ценная для нас) советская военно-научная мысль в данном вопросе занимала четкую и ясную позицию — в войне, как в специфическом явлении и процессе, сочетаются, тесно взаимосвязаны и переплетены самые различные формы борьбы: экономическая, дипломатическая, идеологическая, вооруженная и др. При этом вооруженная борьба составляет специфическое содержание войны¹¹ и придает ей сущностную однозначность и определенность.

¹⁰ Военная Мысль. 2008. № 10. С. 30.

¹¹ Военный энциклопедический словарь. М.: Воениздат. 1986. С. 151, 157.

По своей сущности война понималась как «насквозь политика». Таковой она продолжает оставаться и поныне. А поэтому нам непонятно, на основании чего уважаемый И.С. Даниленко утверждает, что советская военная наука под сущностью войны понимала «процесс массовой вооруженной борьбы»¹². Как может являться сущностью предмета, явления или процесса то, что составляет часть его содержания?! Сущность и содержание — это ведь разные философские категории, хоть и взаимообусловленные. Если содержанием является нечто явное, которое себя обнаруживает через составляющие части, структурные элементы, то сущность — это нечто неявное, скрытое, но многократно и системно проявляющееся через функционирование содержания. Это, безусловно, относится и к содержанию и сущности войны. Мы предлагаем через свои базовые, общеполитологические знания и убеждения не опускать волей-неволей советскую военную науку до уровня чуть ли не лженауки. В данном случае следовало бы, на наш взгляд, говорить не о сущности, а о содержании и о том, что советская военная наука отводила массовой вооруженной борьбе, как элементу содержания войны, если не абсолютизированную роль по отношению к другим формам борьбы, то уж, несомненно, преувеличенную. Это бросается в глаза особенно в свете последних современных войн, особенно войны США против Югославии (1999).

Сущность войны как политики, а точнее, как продолжения политики мирного времени, но уже с применением сил, средств и способов вооруженного насилия как раз и проявляется через вооруженную борьбу, эту характерную часть содержания войны. Вспомним ту же войну в Южной Осетии (2008), что ей предшествовало (со стороны Грузии) и что последовало.

Да, действительно, продолжают оставаться такие понятия, как «холодная война», «экономическая война», «дипломатическая война», «информационная война» и т. п. Особенно активно их употребляют представители СМИ и разного рода политологи, ведь по роду профессиональной деятельности им приходится прибегать к ярким, хлестким, эмоционально окрашенным выражениям. Но со строго научных позиций полагаем, что в таких ситуациях следует вести речь все-таки об экономической борьбе (в каком-то конкретном случае — конфликте), дипломатической и других видах борьбы без вооруженного насилия, но не о войне.

Означает ли все вышеизложенное наше несогласие с мыслью о том, что война как общественно-политическое явление не стоит на месте в своем содержании, а эволюционирует вместе с социумом, приобретая в том числе качества и очертания нетрадиционных войн? Ни в коем случае. Но у нас иное понимание сути и причин «нетрадиционности» современных войн, которые ввиду состояния наших Вооруженных Сил оказались для нас нетрадиционными, а для нашего вероятного противника — уже опробованными и современными. В отличие от доктора философских наук И.С. Даниленко, полагающего, что **главным признаком нетрадиционной войны** является необязательность ведения в ходе нее вооруженной борьбы, мы считаем, что в этом вопросе **главным является существенное изменение места, роли и соотношения различных форм борьбы в рамках современной войны**. Достаточно упомянуть хотя бы о такой форме, как информационная борьба. Вооруженный конфликт в Южной Осетии (август 2008) ярко показал возрастание влияния этой борьбы на ход и исход вооруженного противоборства и на итоги войны в целом. Опыт, в первую очередь армии США, свидетельствует, что качественное развитие сил и средств информационной борьбы, совершенствование организационных форм и способов ее ведения в ходе войны дали возможность окончательно отделить информационную борьбу от идеологической (при всей сохраняющейся их взаимообусловленности).

В наших рассуждениях о признаках и чертах современных войн, все больше и больше приобретающих характер «нетрадиционных», мы не можем не упомянуть о радиоэлектронной борьбе (РЭБ). Как подтверждает опыт ведения современных войн и вооруженных конфликтов (особенно США против Югославии), РЭБ окончательно вышла за рамки одного из видов боевого обеспечения. А именно так она трактуется нашей военно-научной мыслью. Разработанные потенциальным противником новейшие системы электромагнитного

¹² Военная Мысль. 2008. № 10. С. 26.

оружия (например, типа НРМВ, НААРР) резко усилили его возможности не только по подавлению, но и по поражению радиоэлектронных систем управления войсками, или, как выражаются специалисты, усилили наступательную составляющую РЭБ. Можно предположить, что недалеко то время, когда РЭБ станет самостоятельной формой борьбы в рамках войны, т. е. перестанет быть элементом, частью содержания только вооруженной борьбы (как сейчас). Это, конечно же, добавит еще больше «нетрадиционности» в войны XXI века.

Волей-неволей мы выходим на содержание вооруженной борьбы, на роль и соотношение применяемых в ходе нее традиционных сил и средств и принципиально новых, суперсовременных систем поражения. Именно с этой позиции, полагаем, следует воспринимать тезис уважаемого И.С. Даниленко о «массовой вооруженной борьбе». Будем надеяться, что реформаторские меры по приданию нашей армии нового облика позволят, если потребует военно-политическая обстановка (необходимость), уйти от «массового» подхода к решению задач вооруженной борьбы.

В этих и в некоторых других вопросах нынешняя российская военная наука не то чтобы молчала, но должной активности и настойчивости, по нашему мнению, не смогла проявить. Этому есть, конечно, причины и объективного, и субъективного порядка, как и тому, что наше военное строительство до недавних пор было ориентировано на сохранение «традиционной» массовой армии.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что и сама военная наука нуждается в определенной перестройке, развитии как по форме, так и по содержанию. Мы, например, полагаем, что придется в качественном сдвиге теория управления войсками, необходимо сформировать более современную, обновленную теорию боевых возможностей войск и в немалой степени связанную с ней теорию моделирования боевых действий и вооруженной борьбы в целом. В общем, актуальных для нашей военной науки проблем достаточно.

В заключение наших полемических соображений нам хотелось бы заострить внимание коллег на том, что нам (а молодым ученым в особенности) **следует более аккуратно и вдумчиво относиться к переосмыслению и освоению богатейшего российского (в том числе советского) фундаментального военно-теоретического наследия** чтобы потом не приходилось возвращаться к классическим основам и канонам, а то и «изобретать велосипед». И как тут не согласиться с мнением доктора военных наук А.А. Синикова: «Для упрочения авторитета военной науки очень важно соотносить ее фундаментальную, методологическую составляющую с теми компонентами, которые давно уже перестали быть предметом спора в научном сообществе»¹³. Нам действительно есть о чем поспорить и помимо этого.

¹³ Военная Мысль. 2009. № 2. С. 72.

Республиканская гвардия: итоги деятельности и перспективы развития

*Командующий Республиканской гвардией Республики Казахстан
генерал-лейтенант Абай ТАСБУЛАТОВ,
доктор исторических наук*

АННОТАЦИЯ: Рассматривается история создания, становления и развития Республиканской гвардии Республики Казахстан. Рассказывается о задачах, решаемых Республиканской гвардией, перспективах и приоритетах в ее развитии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Республика Казахстан, Республиканская гвардия, материально-техническое оснащение, церемониальные подразделения, инфраструктура.

SUMMARY: It is told about the history of creation, establishment and development of the Republican Guard of the Republic of Kazakhstan. It is also told about the tasks solved by the Republican Guard, the perspectives and priorities in its development.

KEYWORDS (TAGS): Republic of Kazakhstan, the Republican Guard, the material equipment, ceremonial units, infrastructure.

ТАСБУЛАТОВ Абай родился 21 сентября 1951 года в селе Николаевка Ленинского района Северо-Казахстанской области. Окончил Алма-Атинское высшее общевойсковое командное училище им. И.С. Конева (1973), Военную академию им. М.В. Фрунзе (1983), Высшие академические курсы Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации (2000). Проходил обучение на курсах повышения квалификации при Национальном университете им. Ли Куан Ю (Сингапур, 2007) и на курсах «Управление человеческими ресурсами» (Китай, 2007). Профессор, действительный член Академии военных наук Российской Федерации. Автор многих научных публикаций. Кавалер орденов «Данк» II степени, «За службу Родине в ВС СССР» III степени, «Петра Великого» I степени, награжден медалью «За боевые заслуги», многими отечественными и зарубежными медалями.

награжден медалью «За боевые заслуги», многими отечественными и зарубежными медалями.

ИЗВЕСТНЫЕ события, произошедшие в декабре 1991 года в Беловежской пуще Белоруссии, стали началом распада СССР. На основе союзных республик были образованы самостоятельные государства, в том числе и Республика Казахстан. С обретением суверенитета и независимости Казахстаном обеспечение национальной безопасности и территориальной целостности государства стало одним из основных приоритетных направлений в деятельности президента Н.А. Назарбаева как верховного главнокомандующего вооруженными силами республики. В стране за сравнительно короткий срок созданы Национальные вооруженные силы, другие войска и воинские формирования, в том числе и Республиканская гвардия.

Вехи истории. 16 марта 1992 года президентом Казахстана Н.А. Назарбаевым подписан Указ № 673 «О создании Республиканской гвар-

дии Республики Казахстан». С этого дня начался отсчет времени существования одного из элитных воинских формирований суверенного Казахстана. На базе оперативной бригады внутренних войск МВД Республики Казахстан была создана 1-я бригада Республиканской гвардии с дислокацией в поселке Красный Восток Каскеленского района Алма-Атинской области. Исполнение обязанностей командующего Республиканской гвардией было возложено на начальника штаба Государственного комитета обороны Республики Казахстан генерал-майора С.А. Алтынбекова. При формировании гвардии за основу была выбрана организационная структура и система подготовки Кремлевского (ныне Президентского) полка Российской Федерации. Кроме того, тщательно изучался опыт воинских формирований мировых держав. Уже тогда было решено: в Республиканской гвардии должно быть все самое лучшее, передовое.

В августе 1992 года президенту Республики Казахстан были представлены первые сформированные подразделения: батальон правительственной охраны, роты почетного караула и образцово-показательный оркестр. Представлены проекты символики и формы одежды военнослужащих.

16 декабря в парке имени 28 героев-панфиловцев состоялась церемония принятия военной присяги военнослужащими первого набора. На ней присутствовал глава государства Н.А. Назарбаев и члены правительства.

После преобразований Республиканская гвардия прошла сложный путь, годы упорного, кропотливого труда многих людей: солдат, сержантов, офицеров. Приобретались новые качественные показатели: совершенствовались управление, боевая готовность, материально-техническое оснащение, повышалась эффективность.

В конце 1992 года Республиканская гвардия, завершив начальный этап своего формирования, приступила к выполнению служебно-боевых задач по охране особо важных государственных объектов и несению патрульно-постовой службы.

Указом президента Республики Казахстан от 5 декабря 1995 года введен в действие Закон «О Республиканской гвардии», разработано положение «О Республиканской гвардии» и другие нормативные правовые акты. Вышеуказанными документами определены статус, структура, полномочия и организация ее деятельности как специального государственного органа, непосредственно подчиненного и подотчетного президенту, относящегося к силам обеспечения национальной безопасности и осуществляющего в пределах своей компетенции охранные мероприятия по обеспечению безопасности лиц и объектов.

Несмотря на трудности, вызванные сокращением в 1996 году численности Республиканской гвардии, удалось сохранить костяк офицерского корпуса, что обеспечило боеспособность подразделений гвардии.

Тогда же в Республиканскую гвардию стали широко привлекаться на военную службу лица, проходящие ее по контракту. Сегодня численность контрактников составляет 87 %, а младших командиров 100 %.

Очередной этап в истории становления Республиканской гвардии связан с созданием новой столицы в Акмоле. Управление командующего и 2-й полк Республиканской гвардии были передислоцированы в новую столицу и с первого дня приступили к выполнению служебно-боевых задач по охране правительственных учреждений, а также вновь строящихся объектов государственной инфраструктуры.

27 ноября 1997 года глава государства поставил командующему Республиканской гвардией генерал-полковнику С.Б. Токпакбаеву важную

задачу — осуществить перенос эталонов государственных символов герба и флага из Алматы в новую столицу. Задание было выполнено точно в срок и стало еще одной яркой страницей в истории Республиканской гвардии.

11 января 2006 года в Алматы состоялась инаугурация президента Республики Казахстан. Торжественная церемония происходила в новой резиденции президента «Акорда» при непосредственном участии военнослужащих Республиканской гвардии и вызвала восхищение высоких гостей и граждан страны.

На пороге резиденции «Акорда» президента с рапортом о готовности встречал командующий Республиканской гвардией генерал-майор Б.Г. Искаков, у которого я вскоре принял командование Республиканской гвардией. Булат Газизович внес значительный вклад в дело становления и развития Республиканской гвардии.

Всего же за годы своего существования Республиканская гвардия принимала участие в обеспечении более 250 протокольных мероприятий государственного и межгосударственного уровня. В этом большая заслуга церемониальных подразделений, которые снискали признание и заслуженный авторитет среди подразделений почетных караулов других стран. В 1996 году рота почетного караула и Президентский духовой оркестр показали свое искусство в городах Малайзии, в 2006 году рота почетного караула участвовала в празднованиях в Москве Дня города, а также прошли ее плац-концерты и выступления Президентского духового оркестра перед гостями и жителями российской столицы. Высокую оценку мастерству церемониальным подразделениям дали государственный секретарь США, король Малайзии, председатель Китайской Народной Республики и многие других руководители государств и международных организаций в период их визитов в Республику Казахстан.

Особые дружеские отношения связывают нас с выполняющими аналогичные задачи Президентским полком Российской Федерации и Национальной гвардией Республики Таджикистан, представители которых неоднократно посещали нашу страну по приглашению Республиканской гвардии и принимали у себя с ответными визитами наших военнослужащих.

Особое место в составе Республиканской гвардии занимает Президентский оркестр, созданный для обеспечения музыкальной части протокольных, дипломатических, государственных и торжественных мероприятий.

У истоков становления оркестра стояли известные музыканты заслуженные артисты Республики Казахстан Бекболат Тлеухан и Нурлан Онербай, Жаннат Бактаева, Айман Мусаходжаева, заслуженные деятели культуры Арыстанбек Алиев, Александр Аблаев, Талгат Бердигулов и многие другие. Не раз высоко оценивалось исполнительское мастерство творческих коллективов Президентского оркестра главой нашего государства, а также почетными зарубежными гостями. Доброй традицией оркестра стали ежегодные отчетные концерты в столице, благотворительные выступления для ветеранов, гастрольные поездки по городам Казахстана. В настоящее время оркестр является творческим коллективом, которому подвластны все жанры музыкальной культуры от фольклорной музыки до классических и эстрадных произведений. Музыканты не собираются останавливаться на достигнутом, постоянно совершенствуют свое исполнительское мастерство.

На пороге нового этапа. Сегодня с уверенностью можно говорить о Республиканской гвардии как о полностью сформировавшемся воинском коллективе со своими традициями и опытом.

Каждый день гвардейцы совершенствуют мастерство на занятиях в классах, на строевом плацу, полигоне. Несение боевой службы сочетается с отдыхом, занятиями спортом. Высшей формой боевой учебы являются тактические учения, которые в 2007 году проводились совместно со службой охраны президента Республики Казахстан. На специальном тактическом учении «Камал-2007» присутствовал глава государства, который высоко оценил совместные действия военнослужащих Республиканской гвардии и сотрудников службы охраны.

Спортивной подготовке как составляющей боевой учебы уделяется самое пристальное внимание. Среди гвардейцев популярны военно-прикладные и игровые виды спорта, ежегодно проводится лично-командный турнир по рукопашному бою на Кубок командующего Республиканской гвардией. С нынешнего года турнир приобрел международный статус, участие в нем приняли спортсмены из Узбекистана, Туркмении и Азербайджана.

Команды и атлеты гвардии активно участвуют в соревнованиях Спартакиады вооруженных сил Казахстана, и занимают призовые места. Многие военнослужащие имеют спортивные разряды, среди них есть мастера спорта международного и республиканского класса.

Очередной победой гвардейцев третье место в ежегодном международном турнире по служебному многоборью «Телохранитель-2008», проводимом службой охраны президента Республики Казахстан.

Сегодня в планах Республиканской гвардии — поддержание постоянной боевой военной готовности, дальнейшее совершенствование боевого мастерства, а также всестороннее обеспечение служебно-боевой деятельности.

Приоритеты развития определяются характером задач в сфере национальной безопасности и приоритетами развития страны. Республиканскую гвардию граждане Казахстана знают в основном как воинское формирование, предназначенное для выполнения церемониальных ритуалов. Кроме этого, гвардия выполняет задачи по обеспечению безопасности охраняемых лиц и осуществлению мероприятий в условиях режима чрезвычайного и военного положения.

Основные требования, предъявляемые как к Республиканской гвардии, так и к другим войскам и воинским формированиям и определяющие параметры их развития, следующие: высокая боевая и оперативно-служебная готовность; тактическая мобильность; полная укомплектованность хорошо обученным и подготовленным личным составом; необходимая техническая оснащенность и ресурсообеспеченность.

Выполнение этих требований позволяет реализовать главные приоритеты и направления развития и совершенствования Республиканской гвардии как одной из структур обеспечения государственной безопасности страны. Охарактеризуем основные из них. *Совершенствование организационно-штатной структуры.* Увеличение объема служебно-боевых задач, специфические особенности их выполнения, совершенствование системы управления, возросшие возможности имеющихся и перспективных образцов вооружения и боевой техники, анализ и обобщение опыта предыдущей деятельности Республиканской гвардии потребовали приведения ее оргштатной структуры к бригадной системе, принятой в ВС Республики Казахстан. Одновременно решался вопрос о формировании в составе бригады почетного кавалерийского эскорта. Прорабатывались вопросы о строительстве в Астане образцового военного городка с современной инфраструктурой для размещения бригады Республиканской гвардии. Эти начинания нашли

понимание и поддержку главы государства и членов правительства Республики Казахстан.

Совершенствование оперативной и боевой подготовки включает совершенствование подготовки органов управления, частей и подразделений, профессиональных навыков личного состава Республиканской гвардии по решению возлагаемых на них задач с учетом специфики их выполнения, новых тенденций в характере и способах боевых действий.

В оперативной подготовке основные усилия сосредоточены на освоении новых форм и способов применения частей и подразделений, а также на совершенствовании стиля и методов работы командиров и штабов по управлению войсками. Она не ограничивается проведением игр на картах, а также включает командно-штабные тренировки и учения на местности с привлечением войск.

При подготовке органов управления офицеры штабов обучаются выполнению обязанностей специалистов смежных областей и осваивают функциональные обязанности на ступень выше занимаемой должности. Большое внимание уделяется организации и поддержанию взаимодействия с органами управления вооруженных сил, других войск и воинских формирований.

Практика *боевой подготовки* направлена на решение практических задач, стоящих перед частями и подразделениями, на подготовку батальонов и рот как основных тактических единиц. Данные действия планируются на фоне командно-штабных учений всех звеньев управления.

В профессиональной подготовке младших командиров, офицеров взводного, ротного и батальонного звеньев особое внимание уделяется обучению ведения разведки и организации системы огня с широким использованием персональных компьютеров и электронных тренажеров.

Следует четко и умело решать проблему *всестороннего обеспечения* подразделений, действующих в отрыве от основных сил и применяющих нестандартные действия на различной местности.

Совершенствование кадровой работы и системы комплектования. Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев в ежегодном послании в феврале 2008 года определил, что одним из ключевых элементов административной реформы должна стать новая кадровая политика в стране.

С момента создания Республиканской гвардии произошли масштабные изменения. Накоплен значительный опыт по управлению воинскими подразделениями, создан благоприятный климат для улучшения кадровой работы. Перевод Республиканской гвардии на контрактный принцип комплектования является одним из направлений повышения боевой эффективности частей и подразделений и достижения ими качественного уровня, позволяющего решать любые задачи в области обеспечения национальной безопасности, поставленные президентом. Решение о переводе на контрактную систему комплектования стали результатом длительной работы по оценке объективных возможностей страны.

В целях дальнейшего развития системы комплектования необходимо решить следующие основные задачи:

совершенствование нормативно-правовой базы, регулирующей отношения по проведению и обеспечению перехода к комплектованию воинских должностей военнослужащими, проходящими службу по контракту;

улучшение социальной инфраструктуры прохождения воинской службы по контракту, повышение ее привлекательности и др.

Опыт показывает, что для комплектования Республиканской гвардии на контрактной основе необходимо достаточное и ритмичное финанси-

рование, а также наличие качественной базы для пополнения подразделений контрактниками.

Выполнение программы модернизации вооружения, военной и специальной техники и поддержание их в боеготовом состоянии. В настоящее время Республиканская гвардия на должном уровне обеспечена основными видами вооружения, военной и специальной техникой, материальными средствами. Однако доля современных образцов вооружения и военной техники составляет 30 %, в то время как в армиях мира развитых государств этот показатель превышает 70 %.

Сегодняшнее состояние вооружения позволяет в течение пяти лет обеспечить поддержание Республиканской гвардии в боеготовом состоянии. По истечении этого срока, а возможно, и ранее потребуются провести перевооружение.

В рамках реализации Государственной программы развития вооруженных сил, других войск и воинских формирований Республики Казахстан на 2006—2010 годы планируется осуществить ряд мероприятий, направленных на обеспечение армии совершенным вооружением и военной техникой. К ним относятся:

поддержание вооружения, военной и специальной техники частей и подразделений в боеготовом состоянии;

модернизация устаревших образцов вооружения;

приобретение современных образцов вооружения и военной специальной техники, а также замена средств связи и управления, средств индивидуальной защиты личного состава.

Совершенствование систем социального обеспечения военнослужащих, воспитания и морально-психологической подготовки. Согласно Закону Республики Казахстан «О воинской обязанности и воинской службе» армейская работа является особым видом государственной службы, поэтому социальные проблемы, решаются в обязательном порядке на заседаниях правительства и органов региональной и местной власти.

Совершенствование системы воспитания и морально-психологического обеспечения военнослужащих, патриотическое воспитание граждан Казахстана. Во все времена успех в бою достигался не столько самой совершенной техникой, сколько людьми. От их боевого духа и моральной силы во многом зависело успешное решение поставленных задач. Мировой и отечественный опыт свидетельствует о том, что степень психологической устойчивости военнослужащих, его моральной готовности к ведению боевых действий является неотъемлемой частью и необходимым условием боеспособности армии. Поэтому вопросы воспитания личного состава, поддержания высокого уровня воинской дисциплины всегда были, есть и будут одной из основных задач руководителей всех уровней.

За последние десять лет существенно изменился социальный портрет военнослужащего. Нынешнее пополнение, поступающее на военную службу, нередко имеет недостаточный уровень образования. Наблюдается ухудшение физического и психического здоровья. Эти проблемы требуют совершенствования всей системы воспитания и морально-психологического обеспечения военнослужащих, патриотического воспитания граждан Казахстана. Несмотря на это, в Республиканскую гвардию отбирается молодежь высокого роста, обладающая крепким здоровьем, выдерживающая каждодневные физические нагрузки.

Высокий боевой дух военнослужащих вдруг и сразу не возникает. Это результат сознательного, целенаправленного и систематического воздействия на мировоззрение, интеллект, нравственность и психику как всего народа, так и отдельных граждан.

Черты характера, необходимые воину — защитнику Отечества в начале формируются в семье, а затем совершенствуются многими институтами государства, общественными организациями, средствами массовой информации. Страна, заботящаяся о своей национальной безопасности, не жалеет для этого ни материальных, ни интеллектуальных ресурсов. В Республике Казахстан на государственном уровне разработаны и реализуются на практике программы военно-патриотического просвещения казахстанских граждан и военно-политического образования военнослужащих.

Приоритетным в политике нашего государства считается формирование позитивного общественного мнения о роли армии в жизни общества, и о ее статусе, об обеспечении обороны и безопасности государства, укреплении его международного авторитета. Важное значение для службы в армии играет начальная военная подготовка молодежи в общеобразовательных учреждениях.

Идет дальнейший поиск форм и методов более активного привлечения к военно-патриотической работе средств массовой информации, возрождения казахстанской исторической традиции героико-патриотического воспитания в литературе, искусстве и культуре. Имена Бауржана Момыш-улы, Алии Молдагуловой, Маншук Маметовой и многих других славных сынов и дочерей Казахстана не должны кануть в лету. Широкое участие в этой благородной работе станет ярким образцом служения своему народу, залогом успеха в деле общенациональной важности.

Хочется верить, что в обозримом будущем вместе с укреплением и дальнейшим развитием Казахстана продолжится славная история Республиканской гвардии.

ИНФОРМАЦИЯ

10-11 НОЯБРЯ в Ярославле состоялся Всероссийский форум «Интеллектуальные ресурсы регионов России», в ходе которого был проведен ряд научно-практических конференций, межрегиональная специализированная выставка-конференция информационных технологий и телекоммуникаций.

Открыл форум заместитель губернатора Ярославской области А.В. БУШУЕВ.

На форуме с пленарными докладами выступили: начальник отдела реестров сертификатов ключей подписей Управления государственных услуг Федерального агентства по информационным технологиям В.А. ГОЛОБОКОВ, директор ИПС им. А.К. Аламазяна, член-корреспондент РАН доктор физико-математических наук С.М. АБРАМОВ, главный редактор журнала CNEWS М. КОЗАК (г. Москва), главный научный сотрудник института радиотехники и электроники им. В.А. Котельникова РАН А.Я. ОЛЕЙНИКОВ, начальник МНИЦ ОАО «Российские космические системы» В.Ю. ЧИСТЯКОВ.

В ходе форума проведена X-я Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные вопросы разработки и внедрения информационных технологий двойного применения», в ходе которой были рассмотрены актуальные вопросы реформирования системы образовательного процесса в военных вузах, пути повышения эффективности функционирования (боевого применения) и эксплуатации систем ПВО, РТР и РЭБ, теория и практика внедрения интеллектуальных технологий двойного применения.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ВМ № 12

НАРЫШКИН В.Г., кандидат военных наук, старший преподаватель кафедры управления войсками и службы штабов Общевойсковой академии ВС РФ.

г. Москва, проезд Девичьего поля, дом № 4.

Телефон: 8-495-245-87-58, доб. 22-79.

БОБРИКОВ А.А., полковник в отставке, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра РВиА ВС РФ, доктор военных наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, действительный член Академии военных наук РФ.

195221, г. Санкт-Петербург, Пискаревский проспект, дом 10, кв. 44.

Телефоны: (812) 541-18-73; (812) 365-24-06.

ВЫПАСНЯК В.И., полковник, заместитель начальника 27 ЦНИИ МО РФ по научной работе, кандидат военных наук.

123007. г. Москва, 1-й Хорошевский проезд, дом 5.

Телефон: 8 (495) 693-54-26.

КАРДАШ И.Л., полковник кандидат военных наук, доцент, профессор кафедры тактики и оперативного использования Внутренних войск Общевойсковой академии ВС РФ.

г. Москва, ул. Медынская, дом 14, корп. 1, кв. 246.

Телефон: 8-499-766-57-67.

ВЕНЕДИКТОВ А.А., полковник, кандидат экономических наук, доцент, докторант Общевойсковой академии ВС РФ.

г. Москва, проезд Девичьего поля, дом № 4.

E-mail: avenediktov@meil.ru

КИРИКОВА О.А., кандидат экономических наук, советник управления методологии бюджетного учета, финансового обеспечения и анализа Департамента финансирования, учета и отчетности МО РФ.

г. Москва, , 3-й Крутицкий переулок, 13-106.

Телефон: 8-496-696-14-27.

МОНАКОВ М.С., кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Военно-морской академии им. Адмирала флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова.

г. Москва, ул. Свободы, дом 25/11.

Телефоны: 8-495-604-28-24;

8-499-138-46-47.

БАБИЧ В.В., полковник в отставке.

390000, г. Рязань, ул. Павлова, дом 12, кв. 207.

Телефон: 8-23-(4912)-44-53-49.

ТАСБУЛАТОВ Абай, генерал-лейтенант, доктор исторических наук, профессор, действительный член Академии военных наук Российской Федерации, командующий Республиканской гвардией республики Казахстан. Республика Казахстан, г. Астана, проспект Кенесары 27.

Телефоны: 8 (7172) 32-54-75;

8 (7172) 32-54-67.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВОЕННАЯ МЫСЛЬ» В 2009 году

№ журнала

ГЕОПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ

А.Ю. МАРУЕВ – Военные аспекты формирования геополитических интересов и геостратегии России	1
И.Ю. ЗОЛОТОВ, Е.З. ТУЖИКОВ – Фундаментальная наука – основа военно-технической и технологической безопасности государства	1
В.Н. ГОРБУНОВ, С.А. БОГДАНОВ – О характере вооруженной борьбы в XXI веке	3
Р.П. ХАТЫЛЕВ, Д.П. ПЫРИКОВ – Центрально-азиатский вектор военной политики Российской Федерации	3
М.А. ГАРЕЕВ – Проблемы стратегического сдерживания в современных условиях	4
С.М. БОЙКО, И.Н. ДЫЛЕВСКИЙ, С.А. КОМОВ, С.В. КОРОТКОВ, С.Н. РОДИОНОВ, А.В. ФЕДОРОВ – Возможные направления реализации военной политики РФ в области международной информационной безопасности в современных условиях	4
А.А. КОСТЮХИН – К вопросу о военном сотрудничестве России с государствами Центральной Азии	4
В.И. ЛУТОВИНОВ – Развитие и использование невоенных мер для укрепления военной безопасности Российской Федерации	5
И.А. ШАПОВАЛОВ, Я.А. ЖАЛДЫБИН, В.П. СТАРОДУБЦЕВ – Россия и вызовы XXI века	5
И.В. БАЛЮТИН, О.Л. БОБРЯКОВ, Е.А. СОДЫЛЬ – Защита военных интересов государства при экспорте контролируемых технологий	5
А.Ю. МАРУЕВ – Россия и США в условиях противоборства: военно-политический аспект	8
М.Ф. ГАЦКО – О сущности военной безопасности России и ее правовом регламентировании	8
В.Л. ЧЕНГАЕВ, С.В. БАЛЕНКО – Условия возникновения вооруженных конфликтов в XXI веке на территории Российской Федерации и возможный их характер в период обострения военно-политической обстановки	9
А.А. КОСТЮХИН – Международное военное сотрудничество государств Центральной Азии	9
А.С. ЧАГРИН – Научно-методические предпосылки управления военной безопасностью государства с позиций теории риска	11
А.Ю. МАРУЕВ, А.О. КАРПЕНКО – Военно-политические аспекты формирования интересов России на южном геополитическом векторе	11

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

И.Я. ПЕТРЕНКО – Методологические основы организационного строительства Военно-Морского Флота	1
И.Н. АНДРУХ, А.Г. КОЖЕМЯКИН, С.В. КОНДРАТЬЕВ – Оценка состояния системы подготовки и накопления мобилизационных людских ресурсов в РВСН	1
П.М. ЛАПУНОВ, И.А. ШАПОВАЛОВ – Рациональная численность Вооруженных Сил Российской Федерации. Взгляд на проблему через призму ресурсно-экономических ограничений	2
В.Г. НАРЫШКИН – К вопросу о соответствии облика Вооруженных Сил Российской Федерации статусу страны и их предназначению	2

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО

А.И. КАЛИСТРАТОВ – Зарождение и становление российского военного искусства	1
А.И. КАЛИСТРАТОВ – Развитие российского военного искусства в XVII – XIX веках	2
А.И. КАЛИСТРАТОВ – Развитие российского военного искусства во второй половине XIX – начале XX века	3
Ю.Е. ДОНСКОВ, С.Н. СПАСИБУХОВ, В.Е. ДЕМИН – О системном подходе к моделированию конфликтного взаимодействия в радиоэлектронной борьбе	3
А.И. КАЛИСТРАТОВ – Развитие российского военного искусства в период машинного производства	4
В.Н. ГОРБУНОВ, С.А. БОГДАНОВ – Экономический потенциал – основа обороноспособности государства	4
И.Н. ВОРОБЬЕВ, В.А. КИСЕЛЕВ – Борьба с повстанческим движением в системе военных действий	5
А.И. КАЛИСТРАТОВ – Развитие российского военного искусства в период машинного производства (третий этап периода – Гражданская война в России 1918–1920 годов)	5
А.И. КАЛИСТРАТОВ – Советское военное искусство во Второй мировой войне. (Состояние страны и Вооруженных Сил перед войной, причины поражений в начальном периоде)	6
А.И. КАЛИСТРАТОВ – Советское военное искусство во Второй мировой войне (объективные причины поражений 1941–1942 годов)	7
А.И. КАЛИСТРАТОВ – Советское военное искусство во Второй мировой войне (развитие оперативного искусства и тактики)	8
А.И. КАЛИСТРАТОВ – Советское военное искусство во Второй мировой войне (развитие оперативного искусства и тактики)	9
И.Н. ВОРОБЬЕВ, В.А. КИСЕЛЕВ – О концепции инновационного развития Вооруженных Сил	9
А.И. КАЛИСТРАТОВ – Советское военное искусство в первое послевоенное десятилетие (1945–1955 гг.)	10
А.С. ЧАГРИН – Оценка ожидаемой полезности принятого решения на разведку противника в воздушно-космическом пространстве	10
А.И. КАЛИСТРАТОВ – Революция в военном деле и советское военное искусство	11
В.И. ТЕРЕХОВ – Применение гибридных систем вычислительного интеллекта для выбора рационального варианта управленческого решения ..	11
А.А. БОБРИКОВ – Методика оценки боевых возможностей группировок войск в целях обоснования решений по строительству и применению ВС	12
В.И. ВЫПАСНЯК – О реализации сетцентрических принципов управления силами и средствами вооруженной борьбы в операциях (боевых действиях)	12

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

А.Ю. ОБУХОВ, В.Л. ВОРОНИН, М.В. ТЮЛЬКИН – Основные направления технической политики в области навигационно-гидрографического обеспечения морской деятельности	1
П.А. ДУЛЬНЕВ – Проблемы сбалансированности и перспективы развития системы вооружения Сухопутных войск	6
М.А. КОТОВ, А.Ю. КРАВЧЕНКО, В.Ю. ЧЕРВОНЕНКО – Об определении экономического ущерба безопасности государства вследствие несанкционированного раскрытия сведений, составляющих государственную тайну в ВС РФ	6
С.В. ПОПОВ, А.Ю. ШКАРИН, И.Н. ФРАНЧИК – Проблемы правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности в оборонной сфере	6
Б.В. ПУСТЫНИН, М.И. ЗАЙЦЕВ – Особенности обоснования системы машин подразделений инженерных войск	11

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Ю.В. БОРОДАКИЙ – Развитие методологических основ построения информационно-управляющих систем военного назначения6

ВОЕННАЯ ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

А.С. БОНИН, М.В. ФОМИН – Основные принципы и методический подход к обоснованию уровневых значений показателей боевых свойств перспективных авиационных комплексов военного назначения	1
А.В. АНОШКО, Ю.М. ДЗЕМА, С.Г. ПЕТРЕНКО – Методические основы оценки промышленной реализуемости программ создания перспективных образцов авиационной техники и вооружения	1
О.В. АЛЕШИН, В.П. ЧЕМИРЕНКО – Как оценить боевую эффективность обмана	2
Д.Н. ШАКИН – Принципы радиоэлектронной маскировки	2
В.В. МИРОНОВ, А.Л. ВОЛОБУЕВ – Повышение боеготовности частей и соединений в свете «Концепции совершенствования физической подготовки в Вооруженных Силах Российской Федерации до 2016 года»	2
В.Г. ПУЛИНЕЦ, Ю.В. ФИЛЬЧИКОВ – К вопросу о необходимости моделирования работы железной дороги в условиях военного времени	2
А.А. СИНИКОВ – Господство в воздухе: история и перспективы	3
С.А. КОСТРОВ, С.Г. БЕГЛЯРН – О пути повышения эффективности подготовки лиц боевых расчетов пунктов управления авиацией и войсками ПВО	3
В.И. АНТОНОВ – Обоснование компьютерной модели иерархической системы управления войсками (силами)	4
Е.С. ЩЕРБАКОВ, В.Г. ГОНЧАРОВ, В.В. МЕЩЕРЯКОВА – Метод количественной оценки эффективности взаимодействия участников воздушной операции	4
В.Д. РЯБЧУК, В.И. НИЧИПОР, В.В. КОНДРАТЬЕВ – Методологические аспекты совершенствования управления общевойсковыми тактическими формированиями с применением перспективных АСУ	5
Ю.Е. ДОНСКОВ, В.Г. КЕРКОВ, В.В. ВАСИЛЬЕВ – Методики оценки эффективности снижения заметности наземных объектов при защите от тактической авиации	5
С.Н. СОЛОВЬЕВ, Г.М. ФЕЛЛЕР – Специальная подготовка транспорта в интересах обороны страны	5
Е.С. ЩЕРБАКОВ – Распределение войск по направлениям в условиях неопределенности в оценке сил противника	5
Р.Ф. РАВЛЫК – Проблемы подготовки летного состава в современных условиях	5
С.А. ЧЕРНОВ, А.А. МИЛЛЕР – Профессионализм, компетентность выпускника высшего военного учебного заведения	5
А.Г. ПИСЬМЕНСКИЙ – Реформа военно-инженерного образования: исторический опыт	5
В.Ю. КУЗЬМЕНКОВ, А.В. ГУБАНОВ, Ю.В. СПИРИН – Основные направления совершенствования радиолокационного обеспечения полетов авиации	6
В.С. ПАНУС, Н.Т. МАКСИМЕНКО – Информационно-коммуникационные технологии и военное образование	6
Б.В. ТАРАСОВ, Э.Г. МАЛЬЦЕВ – Интеллектуальная поддержка принятия решений в системе санитарноэпидемиологического надзора в ВС РФ	7
А.И. БУРАВЛЕВ, В.С. БРЕЗГИН – О критерии сравнительной оценки эффективности комплексов огневого поражения	7
В.В. СУХОРУТЧЕНКО, А.Б. ЗЕЛЬВИН, В.А. СОБОЛЕВСКИЙ – Направления исследований боевых возможностей высокоточного оружия большой дальности в обычном снаряжении	8
И.П. РУСАНОВ, А.И. БУРАВЛЕВ – Модель оценки эффективности боевых систем	8
С.А. ТРАВНИКОВ, А.В. КАРТАШЕВ – Направления развития средств и комплексов связи в тактическом звене управления	8

В.Г. КОВАЛЕВ, Л.Н. ИЛЬИН, О.Ф. БУЛЫЧЕВ – Номенклатура требований к перспективным общевойсковым боевым системам тактического звена	8
Ю.С. СУХОРУКОВ, Ю.Е. ДОНСКОВ, С.Н. МЕРКУЛОВ, В.В. ФОМИН – Проблемы автоматизации интеллектуальной поддержки принятия решений общевойсковыми командирами в тактическом звене	9
В.Б. АНТИПОВ, С.В. НОВИЧКОВ – К вопросу о разработке и применении нелетальных средств поражения на химической основе	9
Ю.Ю. КОРАБЛЕВ, В.Н. ХЛАМОВ, А.А. ЧАСТИХИН – Влияние уровня физической подготовленности на самочувствие и умственную работоспособность военнослужащего	9
Ю.Е. ДОНСКОВ, Е.Т. ДЮНДИКОВ, А.А. КАЧКИН – Методика комплексной оценки состояния информационной безопасности региональной группировки войск	10
В.В. ЛИННИК, В.Н. ЗАХАРОВ, С.Н. КАРЕЛИН, В.Ф. РУДЕНКО – Вопросы обеспечения поэтапного перехода на перспективные типы ракетных комплексов	10
А.А. ШВАЙЧЕНКО, В.А. ЛИНОК, В.А. САКОВИЧ – Новые возможности обеспечения безопасности профессиональной деятельности контингента РВСН	11
И.В. КАРЕВ – Социологические аспекты морально-психологического обеспечения в Вооруженных Силах Российской Федерации	11
Б.А. МЯКИШЕВ, В.А. КИСЕЛЕВ, А.А. ПРИТОЛЮК – Анализ существующих методов контроля качества очистки местности от взрывоопасных предметов	11
И.Л. КАРДАШ – Анализ исторического опыта и современных взглядов на организацию и ведение территориальной обороны страны, роль и место внутренних войск МВД России в достижении ее целей	12
А.А. ВЕНЕДИКТОВ – О моделировании мероприятий военно-социальной политики	12
О.А. КИРИКОВА – Актуальные проблемы управления рисками при закупках для государственных нужд	12

ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ

Б.И. БАЧКАЛО – Особенности создания современной системы подготовки кадров для ВВС	2
Г.А. ЛИСИЦЫН, А.Р. МОИСЕЕВ – Подготовка обучающихся в военных вузах к организации морально-психологического обеспечения войск	2
Н.М. ИЛЬИЧЕВ – Роль доказательства в формировании у воинов убежденности, веры	3
В.И. ХОЛОДОВ, А.А. РЕНСКОВ, А.Ю. ЧИЖОВ – Создание информационной обучающей среды в военном вузе	3
Н.В. ЧЕБОТАРЕВА – Социально-психологические особенности различных категорий военнослужащих	7
В.И. АНТОНОВ, В.К. ЗОЛОТУХИН, Д.Н. ВОРОБЬЕВ – Управление информационными ресурсами как важнейший фактор стабильности развития военных вузов	7
Ю.А. УВАРОВ – Пути повышения эффективности обучения слушателей Военной академии Генерального штаба ВС РФ	8
Х.И. САЙФЕТДИНОВ, В.И. ВЫПАСНЯК – О состоянии и перспективах развития компьютерной формы оперативной подготовки	10
А.Н. ТИХОМИРОВА – Внедрение информационных технологий в процессы военного обучения	10
Ю.Е. ДОНСКОВ, С.В. ГОЛУБЕВ – Об учете методического контекста военно-профессионального обучения в подготовке специалистов радиоэлектронной борьбы	11

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

В.Г. НАРЫШКИН – О показателях боевого потенциала воинских формирований	1
--	---

В.Г. НАРЫШКИН – Методические основы оценки и расчетов показателей боеспособности подразделений и частей	2
М.Ф. ВАККАУС – К вопросу о проблеме оснащения Вооруженных Сил современным вооружением и распределения расходов на их закупку и «проедание»	2
А.А. СИНИКОВ – К вопросу о методологических аспектах военно-научных исследований	2
М.Д. ЛЮБИН – К вопросу об истории развития и перспективах радиоэлектронной борьбы	3
В.Г. НАРЫШКИН – О методах оценки боевой готовности воинских формирований	3
В.Г. НАРЫШКИН – О расчетах соотношения сил сторон по основным показателям боевого потенциала	4
И.В. ЕРОХИН – Какие вооруженные силы нужны России?	4
В.И. ОРЛЯНСКИЙ – Некоторые проблемы теории и практики обмана противника	6
М.Ф. ВАККАУС – О военно-политических основах методологии строительства и применения Вооруженных Сил России	6
О.А. ОБЧАРОВ – Влияние гражданско-правовых начал на военное законодательство России и его уголовно-правовые последствия	6
В.В. КОРАБЛИН – Терминосистема – важнейший элемент научно-методического аппарата военно-научных исследований	8
О.Ю. ЕФРЕМОВ, В.А. РОДИН – Статистический аспект законов вооруженной борьбы	8
Н.М. ИЛЬИЧЕВ – Некоторые особенности формирования творческого мышления в процессе военного обучения	8
С.А. ВЕРШИЛОВ – Облик культуры военной безопасности: история и современность	9
Г.П. ОТЮЦКИЙ – Философия войны: проблемы конституирования	10
Н.Н. ФИЛАТОВ – О противоречиях в подходах к анализу политической субъективности	10
Х.Т. ХАЧАТРЯН – Особенности построения обороны оперативного масштаба в современных условиях	10
М.С. МОНАКОВ – Некоторые подходы к освещению эволюции военно-морской науки в отечественной военной историографии	12
В.В. БАБИЧ – О военной науке и войне	12

ПО МНЕНИЮ АВТОРА

А.Ю. ГОЛУБЕВ – Две военные школы в русской армии	1
Н.М. ГРУЗДЕВ – Какими должны быть образование, подготовка и целенаправленность обучения в военно-морских институтах?	2

В АРМИЯХ СНГ

А. ТАСБУЛАТОВ – Республиканская гвардия: итоги деятельности и перспективы развития	12
--	----

В ИНОСТРАННЫХ АРМИЯХ

С.Л. ПЕЧУРОВ – Особенности службы в органах высшего военного управления США	4
А.Е. КОНДРАТЬЕВ – Проблемные вопросы исследования новых сетевых концепций вооруженных сил ведущих зарубежных стран	11

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

В.И. ШАЙКИН – Административная деятельность генерала Скобелева в Закаспийском крае	12
--	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Военное искусство в локальных войнах и вооруженных конфликтах (вторая половина XX — начало XXI века)10

НАУЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ И СООБЩЕНИЯ

С.А. ТЮШКЕВИЧ — «Круглый стол» в Военном университете МО РФ5

СЛОВО ЮБИЛЯРАМ

А.А. ПРОТАСОВ — Институт автоматизации управления войсками (силами): история и современность (к 55-летию создания 27 ЦНИИ Минобороны России)7
 С.В. МЫТЕНКОВ, И.О. ЕСИН, С.М. ЛОГИНОВ — К вопросу о совершенствовании военно-научного сопровождения работ в промышленности по созданию автоматизированных систем военного назначения7
 А.А. ПРОТАСОВ, С.В. КРЕЙДИН, С.Ю. ЕГОРОВ — Системы управления войсками (силами) как инструмент стратегического сдерживания7
 В.И. ВЫПАСНЯК, Д.Б. КАЛИНОВСКИЙ, О.В. ТИХАНЫЧЕВ — Моделирование вооруженного противоборства: перспективы развития7
 О.Ю. КОБЫЗЕВ, В.А. БАЙБОРОДИН — Подготовка и проведение практических экспериментов в военном деле в целях формирования перспективного облика Вооруженных Сил Российской Федерации7
 В.Н. КАРГИН, В.Н. КОЗИЧЕВ — Эволюция автоматизированных информационных систем в Вооруженных Силах7
 С.В. МОРОЗОВ, О.А. КУДРЕНКО — Формализация боевых документов в автоматизированных системах управления войсками7

Учредитель: Министерство обороны Российской Федерации
 Регистрационный № 01974 от 30.12.1992 г.

В подготовке номера принимали участие:

Научные редакторы: Ю.Н. Голубев, В.Н. Каранкевич, Д.В. Козин,
 Ю.М. Корольков, А.М. Лукашов, В.М. Прилуцкий, И.П. Русанов, В.Н. Щетников, В.В. Юдин
 Литературные редакторы: Н.В. Ефремова, С.Г. Коденко, О.Н. Чупшева (зам. отв. секретаря)

Компьютерная верстка: Е.С. Ибрагимова

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции

Сдано в набор 30.11.09
 Формат 70x108 1/16
 Печать офсетная
 Свободная цена

Подписано к печати 27.11.09
 Бумага офсетная 5 п.л.
 Заказ №3105

Тираж 1650 экз.

Журнал издается Редакционно-издательским центром МО РФ:
 119160, Москва, Хорошевское шоссе, д. 38д. Тел: 693-58-68

Журнал отпечатан в ООО «Красногорская типография»:
 143400, Московская область, г. Красногорск, Коммунальный квартал, д. 2.
